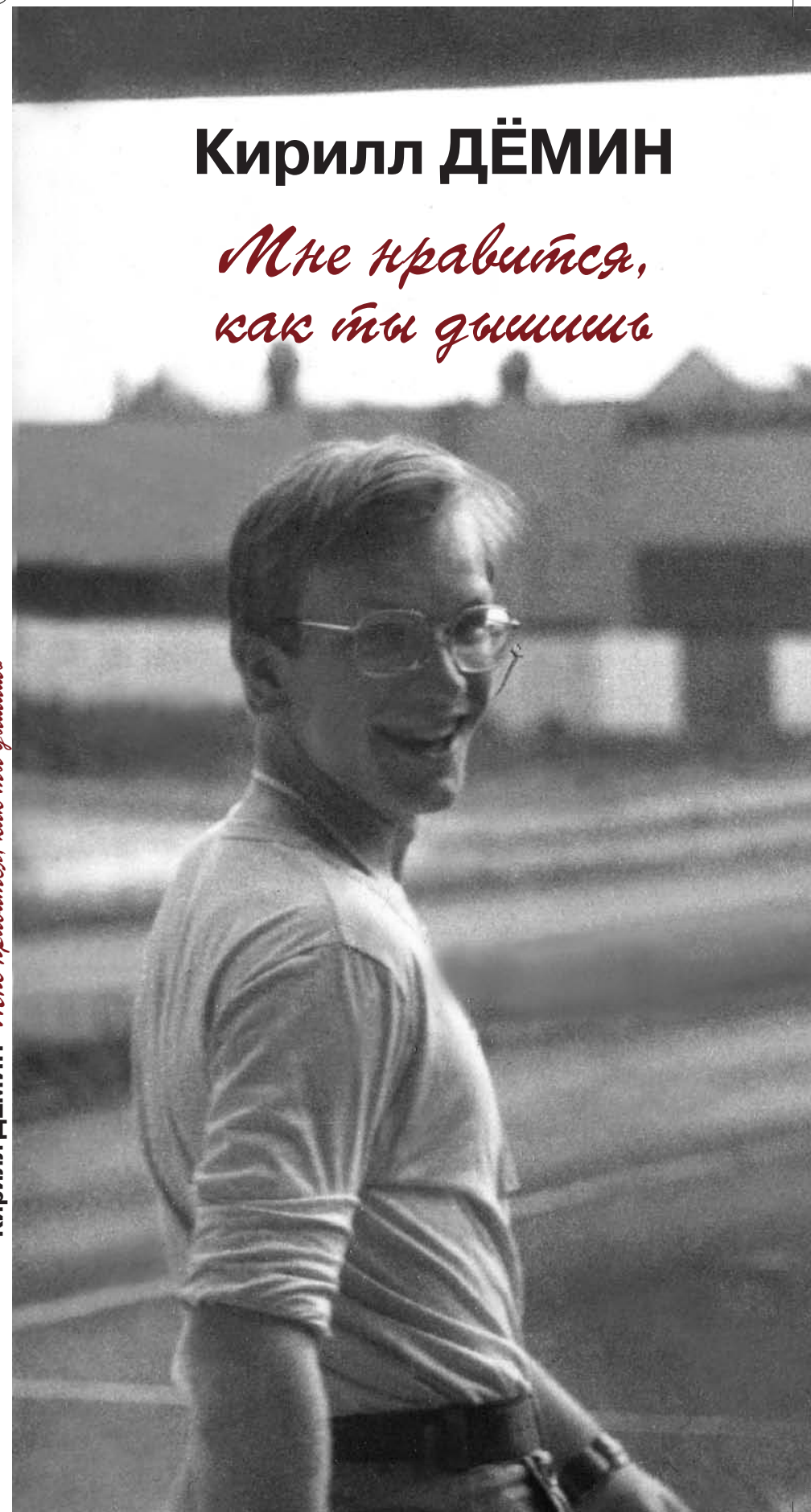

*«Мы все едем до конечной,
Кто печально, кто бесечно»*

Кирилл ДЁМИН *Мне нравится, как ты дышишь*

Кирилл ДЁМИН

*Мне нравится,
как ты дышишь*

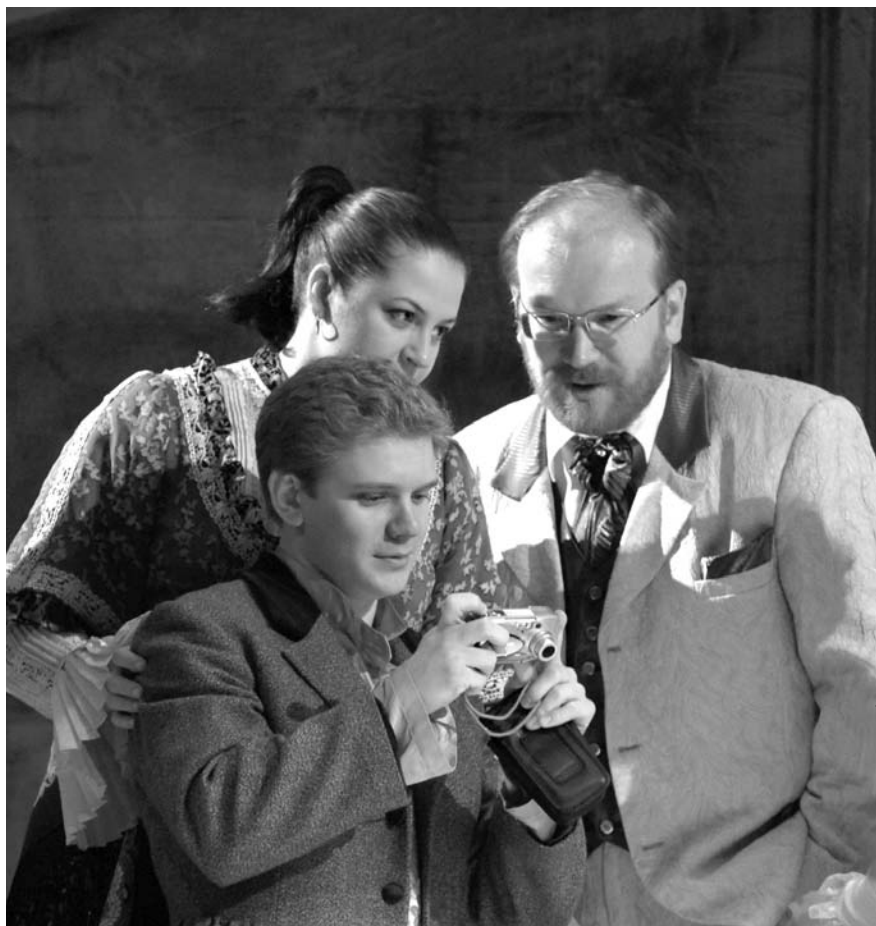
*Мне нравится,
как ты
дышишь*

Стихи Кирилла ДЁМИНА
и воспоминания о нём

Москва — 2012

*Выражаю искреннюю признательность всем,
кто оказал помощь в работе над книгой
и диском. Особая благодарность
Л.А. и В.П.Дёминым, Ю.М.Соломину,
В.И.Бочкарёву, А.П.Казарину, С.А.Вещеву,
Д.Д.Кознову, Г.М.Полтавской,
О.В.Бутковой и М.В.Редину.
Спасибо!*

Ольга Петренко

С Ириной Жеряковой и Сергеем Потаповым
на репетиции спектакля «Бедность не порок».

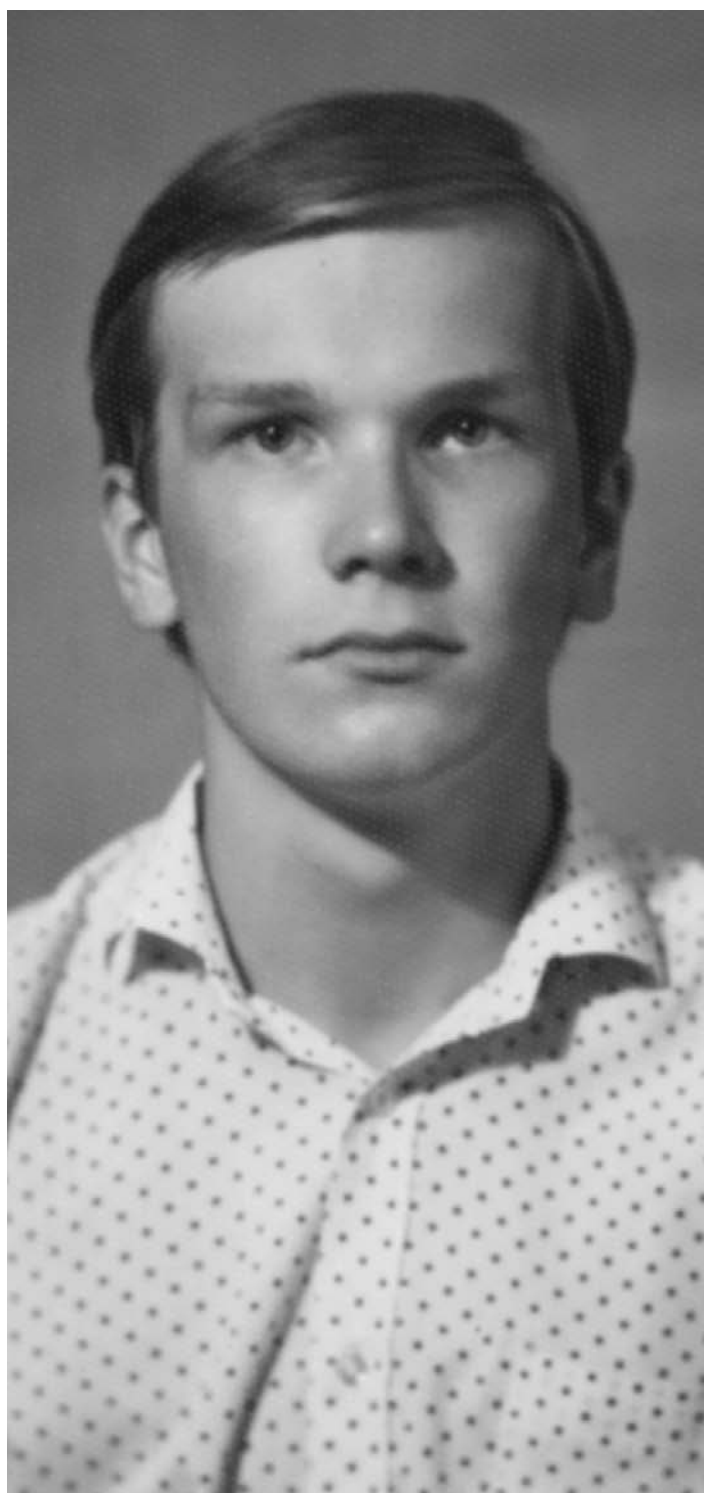
18 января 2011 года Малый театр постигло несчастье – ушёл из жизни Кирилл Дёмин. Заслуженный артист России, ученик Юрия Соломина. Кириллу едва исполнилось сорок четыре года.

Он не мелькал в сериалах, не играл главных ролей на театре (исключением стал Чацкий в постановке М.И.Царёва и В.Н.Иванова). Но зрители запомнили и забавного старца Богдана Курюкова из легендарного «Царя Фёдора Иоанновича», и неугомонного ревнивца Бабьеку в «Тайнах Мадридского двора», и неудачника Нелькина из мюзикла «Свадьба Кречинского», и доброго Сказочника в «Снежной королеве», и благородного князя Сицкого из «Царя Иоанна Грозного», и мрачного Глумова из «Бешеных денег», и гротесково-фанатичного доктора Пюргона из «Мнимого больного»...

Кирилл ушёл на взлёте своих творческих возможностей, когда его дарование вырвалось на новый, удивительно мощный виток, свидетельство чему – лучшая работа артиста, Африкан Савич Коршунов («Бедность не порок»), классический, казалось бы, злодей, за демонстративным бездушием которого скрывалось горькое, звериное одиночество.

Отчего-то мы крайне редко говорим друг другу тёплые слова. Но вот Кирилла не стало, и приходит отчётливое понимание, что все эти годы рядом была удивительная Личность: умный, тонкий, интеллигентный человек, высоко эрудированный, с взвешенными и независимыми суждениями, превосходным чувством юмора, деликатный.

И пусть это может прозвучать слабым утешением, но Кирилл Дёмин не исчезнет без следа – он останется в памяти коллег, в сердцах своих друзей и близких, на страницах этой книги.

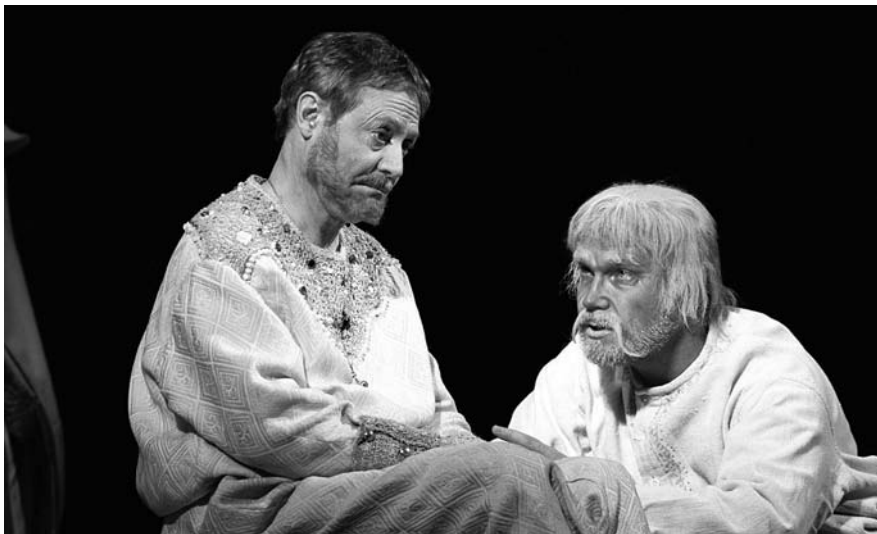

Юрий Соломин

Я прекрасно знаю отца Кирилла Дёмина, высоко-профессионального, порядочного, дисциплинированного человека. Мы с ним вместе работали в министерстве. Вадим Дёмин для меня – идеал чиновника, занимающегося культурой. Думаю, что он, наверное, хорошо воспитывал своих детей. Мы познакомились с Кириллом во время отдыха в Ялте: он был стеснительным мальчонкой, да и остался таким.

Когда мы впервые поговорили, Кирилл мне почитал, и я узнал, что он пишет стихи, причём очень хорошие. Умный был парень, на редкость скромный – отцовское воспитание работало. На вступительных экзаменах в Щепкинское училище я увидел, что Кирилл совершенно не испорчен всякими дядями и тётями, которые готовят абитуриентов для поступления в театральные вузы. Отец – сам режиссёр, и мог бы его «натаскать», но я получил «материал» в чистом виде. Кирилл не обладал качествами, которые удивляли, поражали – честно говоря, он шёл в средних рядах. Но мне казалось, что он больше, чем кто-либо, подходит для актёрского дела. И когда Дёмина приняли, один наш профессор – не хочу называть имени, человека уже нет в живых – начал говорить, что я взял Кирилла из-за отца. А я ответил: «Через полгода ты будешь просить прощения». Я считаю, что мы, педагоги, поняли Кирилла, дав ему определённую фору, потому что «материал» был хороший. А после первого курса, когда студенты начали готовить отрывки, этот профессор принародно на кафедре извинился. Потому

Богдан Курюков, царь Фёдор – Юрий Соломин.
«Царь Фёдор Иоаннович».

что Кирилл сразу выдвинулся в число лучших. Он играл Треплева, и очень хорошо. Я дал ему эту роль, потому что он, как и Треплев, был человеком пишущим, скромным, был влюблён в одну студентку – мне кажется, безответно.

Кирилл начал писать капустники, инсценировки; он ещё и пел под гитару. У нас была почти готова дипломная постановка по рассказу О.Генри «Вождь краснокожих», когда Дёмин, успевший стать артистом Малого театра, очень сильно её перелопатил – и стихи, и музыку написал. Спектакль имел такой успех, что мне позвонили из ТЮЗа какого-то города и попросили инсценировку. Кирилл с Васей Дахненко были ведущими. Так вышло, что у нас на курсе кто-то умел играть на гитаре, кто-то на рояле. Кто-то выучился на дудочке, кто-то на банджо – получался настоящий ковбойский оркестрик, как раз для «Вождя краснокожих». Одна девочка садилась за рояль, подходила вторая, они музицировали в четыре руки, потом одна другую спихивала со стула; к ним присоединялась Ира Примак, игравшая на контрабасе – а она высокая, так что это смотрелось эффектно – и всё вместе вызывало колоссальный восторг. Придумки исходили от самих ребят, а Кирилл был у них заводила.

После «Вождя краснокожих» мы позвали его на пе-

дагогическую работу, но Кирилл сказал, что уже приглашён на другой курс и дал слово. И всё равно преподавать он стал с нашей лёгкой руки.

В первый же год в театре он исполнил роль Чацкого. Чацкий-то умный, но ведёт себя по-глупому. Мне казалось, что при своём чувстве юмора, поэтических способностях и неопытности Кирилл сыграет так, как нужно. Это была удача.

Одной из последних его работ стал брат Сила в «Мольере» – маленькая роль, но она обращала на себя внимание.

Кирилл произвёл на меня превосходное впечатление, просто прекрасно сыграв Африкана Коршунова в «Бедности не порок». Это был настоящий артист, который уже занял достойное положение в театре. Я очень жалею, что театр потерял такого интересного и

Юрий Соломин со студентами на фестивале театральных школ в Братиславе (Югославия).

перспективного актёра, а то, что он писал – всегда было очень хорошо. И я искренне рад, что книга его стихов вышла в свет.

* * *

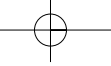
*Простите меня, родные.
Простите, родней родных,
Что буквы порой кривые –
В метро собираю их.
И рифма порой кривая,
А поезд летит, летит.
И граждане засыпают,
И лишь никогда не спит
Тот кто-то, кто там, над нами,
Качая любовь свою,
Поёт о любви стихами.
И я про неё пою.*

* * *

*Есть две женщины на свете...
Впрочем, кто они – не важно.
По одной с ума схожу я –
Подыхаю без неё...
А она меня не любит
И не замечает даже.
Мне забыть её пора бы,
Только сердце не даёт.*

*Есть две женщины на свете...
Та, другая, ходит рядом
И пытается забраться
По-кошачьи в жизнь мою...
Ведь она меня так любит
И так хочет выйти замуж...
Вот поэтому, наверно,
Я её и не люблю...*

*Есть две женщины на свете...
Что мне делать – я не знаю!
Или ждать, что ТА полюбит,
Иль с другой создать семью...
Есть две женщины на свете...
Тихо в парк идут трамваи,
И осенний лист ложится
На промокшую скамью...*

* * *

*Ах, как она идёт на цыпочках!
На цыпочках, на цыпочках...
А свежий снег помадкой сливочной
Скрипит под каблуком.
А на душе играют скрипочки.
Ах, скрипочки! Ах, скрипочки...
И пахнет разогретой выпечкой
И тёплым молоком.*

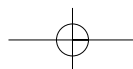
*На белоснежном платье свадебном, –
Ах, свадебном! Ах, свадебном...
Что шили для Москвы старательно
Метель и Новый год,
Узор мы вышиваем тщательно,
Так тщательно... Так тщательно...
Ах, как она очаровательно
На цыпочках идёт!..*

*Остановитесь на минуточку!
Минуточку... Минуточку...
Пусть ветер дует в свою дудочку,
Приплясывая в такт...
Я снова попадусь на удочку, –
На удочку... На удочку...
Влюблюсь в хорошенькую дурочку
На тонких каблучках...*

* * *

*Пойдём сегодня в ресторан –
Закончим странный наш роман
Без продолжения в стихах...
Увы и ах! Увы и ах!
Мы там чудесно посидим,
Кого-то вкусного съедим,
Шампанским это всё зальём
С тобой вдвоём, с тобой вдвоём...
А то побыть наедине
Не светит ни тебе, ни мне.*

*Потом – по городу пешком,
То листопадом, то снежком...
Ах, как пронзительно легка
В руке рука... В руке рука...*

*Все расставания просты,
Как разведённые мосты
И как руки прощальный взмах...
Увы и ах! Увы и ах!
Ах, как печаль моя легка...
Ну, что – пока? Пока – пока!..*

*Прощай, осенняя Москва!
Туманно-серая тоска,
Этюд в отчаянных тонах...
Увы и ах! Увы и ах!
Какой-то добрый человек
Над городом включает снег...
Белым-бела моя печаль...
Пустой причал... Пустой причал...
И отменяется маршрут...
Ты – где-то там... Я – где-то тут...*

* * *

*Отражается в лужах сама
Непонятная эта зима,
Захотевшая быть весной
И смутившая люд честной.
В каждой луже – кусок луны,
Отражаемся в них и мы,
Только я отражаюсь здесь,
А где ты, да и с кем – Бог весть.
Мы идём по ночной Москве,
Перемешивая талый снег,
Обходя осторожно лёд,
И надеясь, что Бог поймёт.
И надеясь – Господь простит,
Пару-тройку грехов скостит.
Снова сделает зиму зимой
И вернёт нам любовь с тобой.
А пока – за окном капель,
Не февраль – а почти апрель.
Отражается в лужах зима
И большая луна – одна.*

* * *

Ах, как быстро проходят зима и весна,
Даже осень, вот только – лето...
Потому что ты складываешь чемодан
И летишь по своим планетам.
И окажется вновь, что тоска без тебя
Выметает привычно тропинки,
По которым хожу, дожидаясь дня,
И считаю шаги и ошибки.
Ты их знаешь на ощупь и наперечёт,
И мама, и папа – святое.
А тропинка течёт, и течёт, и течёт,
И грязь всё с сапог не смоем.

* * *

Я этой женщине – никто,
Я даже не в разряде «бывших».
Пока надежда есть. И то
Я числюсь в «выплывших и всплывших».
Она считает – я не тот,
А я считаю – я не этот.
Как эта женщина поёт,
Особенно весной и летом!..
А осенью – она со мной
Прощается. Зимой – ни слова.
Я для неё «всплыву» весной.
Я, видимо, не так подкован.
Копыта бьют напрасно в снег,
И я терплю – до потепленья.
Только бы это – навек и навек.
Мгновенья, мгновенья, мгновенья!

* * *

Я, конечно, никогда не буду классиком,
И меня не будет петь народ массово...
Мостовую чертит девочка на классики.
Дождь пройдёт – она начертит всё заново.
Говорят, что мел не пишет по мокрому,
Только тот, кто говорит – он не пробовал!
Ведь рисунки по стеклу по оконному
Дед Мороз придумал – вовсе не Коппола!

*Я пытаюсь не смотреть в её сторону,
На её стороне – детство, классики...
Ну, а я так и не стал мудрым вороном,
Хоть часы мои идут... Идут часики...
Для неё же все столетия – мгновения!
Для неё мои года – просто семечки...
Вроде третьего тысячелетия
Для молоденькой берёзовой веточки.*

* * *

*Пытается ветер в весенних садах
И листья с деревьев сорвать, и цветы,
И вместе со мной отнести их туда,
Где – ты...*

*В сиреневую завернувшись фату,
И с домом твоим, и с тобою – Земля
Вращаться пытается в сторону ту,
Где – я...*

*Чудес не бывает. Но всё ж иногда
На Землю тихонько спускаются сны,
Которые нас возвращают туда,
Где – Мы...*

* * *

*Опять растает всё,
Что выпало вчера...
Воробушек босой
Нахохлился с утра.
Он думает о том,
Как можно жить в стране,
Где каждой зимой
Всё время тает снег?!*

*На улице – потоп
В начале января!
К тому же гороскоп
Плохой у воробья:
Пернатому ему,
Выходит по всему,
Пора менять страну,
Пора менять страну!*

Пора менять гнездо
На посох и суму,
Пока ещё не сдох
Или не утонул...
Страна идёт ко дну!
Не зря пархатый стриж
По осени рванул
Со всей семьёй в Париж!

Но как оставить дом
И двор, в котором рос?!
Где ты клевал зерно
И, иногда, навоз!
К тому же, здесь твои
Подруги и друзья.
Нет, что ни говори,
А улетать нельзя!

Здесь стало всё родным,
И здесь – отец и мать.
А перелётным – им
На Родину плевать!
Едва с теплом – не «ах»
И не достать еды, –
Сейчас же в небесах
«Курлы, курлы, курлы...».

А нам – сынам берёз –
Чужбина не нужна!
К тому же, там навоз –
Синтетика одна!
Пусть нам околевать –
Плевать! Мы всё равно
Останемся клевать
Родимое... зерно!

* * *

«Поезд следует до станции «Беляево»...
Ну и правильно, и пусть себе следует –
И Беляеву ведь нужно внимание,
Понимание и всё, что там следует.
А я не был никогда в том Беляеве.
Может, взять и прокатиться в Беляево...
Где-то Анька там живёт Горностаева.
Я не знаю где, но точно в Беляево.

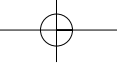
*Вы плохого ничего не подумайте –
Просто Аньке тоже нужно внимание...
Посидите с ней немного, покурите,
Ну, и выпьете чутка. За компанию.
А на кухне у неё – скатерть белая.
Занавески на окне – тоже белые...
В холодильничке – ещё одна, целая.
И, как всё у них в Беяеве – белая...*

*Белым снегом белый свет умывается –
Моет руки, как и все, перед ужином...
Ах, как славно под снежок выпивается
И под Анькины биточки «по-южному»!
А она всплакнёт, потом успокоится,
И расскажет вам опять сказку старую:
Что теперь уж ей никак не устроиться –
Тридцать пять годков давно – старость самая...*

*Только вы ей не кивайте сочувственно,
И тогда вы непременно услышите,
Как жила на свете Анечка Шустова
И любила одного гада рыжего.
И как Анькой не была – была Анечкой,
И красавицей была удивительной:
Да вы на дочку посмотрите, на Танечку,
Вы на сыночку взгляните, на Витеньку!*

*Правда, Витеньке всего девять месяцев,
Но глаза-то у него точно мамыны...
Ну, а средненький – убился на лестнице:
Рыжий гад не доглядел, пьянь поганая...
Тут она поправит скатерть старательно,
Помолчит и скажет: «Ну, до свидания...
Заходите как-нибудь обязательно.
И спасибо, так сказать, за внимание...».*

*До метро каких-то пять остановочек
На трамвае цвета белого-белого.
И вы едете домой – к одиночеству,
К древним римлянам и к Марку Аврелию...
Где-то там остался чайник эмалевый,
И осталась Анна свет Николаевна...
...А я не был никогда в том Беяеве...
Может, взять и прокатиться в Беяево...*

* * *

Опять я в гордом одиночестве
Среди «женатиков» сижу,
Как будто в красочной обёрточке
На полке в лавочке лежу.
Уж истекает срок хранения,
Уже осталась ровно треть...
Почти готов к употреблению –
Немного только разогреть.

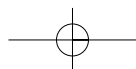
И многим мог бы я понравиться,
И многим полюбиться б мог,
Но сохну по одной красавице,
Совсем как плавленый сырок...
Но вкусовые мои качества
И качества сертификат
Её не вдохновляют начисто,
Не впечатляют ни фига...

А я ж ведь на отдельной полочке, –
Не в коммуналке, не с роднёй!
Вся упаковочка «с иголочки»,
Очаровательный такой!..
А ей на все мои достоинства,
Я извиняюсь, наплевать;
А на меня снижают стоимость,
Чтобы хоть как-нибудь продать...

И чем закончится мой славный путь?
Ведь я ж, засохнув, пропаду!
И штучного меня какой-нибудь
Пенсионерке продадут!
А мне б свариться, мне б зажариться,
Любовным жаром полыхнуть!..
Прошу вас, девицы-красавицы,
Употребите кто-нибудь!..

* * *

У меня, простите, беспорядок,
И с утра не прибрана постель –
Место моих взлётов и посадок,
Поле для измученных костей.
И посуда третий день не мыта,
Горы стирки ждущего белья –

*Все красоты холостого быта,
Достижений выставка моя.*

*У меня, простите, нету денег,
Чтобы Вас как следует принять.
В уголке пылится новый веник,
С детства не привыкший подметать.
Нет, конечно, я преувеличил –
Хоть и редко, но я мою пол.
У меня и вредных-то привычек –
Разливное пиво да футбол.*

*Проходите, что Вы, не стесняйтесь,
Я сейчас немного приберусь.
Я, конечно, дико извиняюсь,
Что в домохозяйки не гожусь.
Но зато я по пельменям «профи»,
Да и по яичнице я спец!
Да, ещё есть растворимый кофе
И один солёный огурец.*

*Нет, вообще я выпиваю редко
И уж десять лет как не курю.
За меня туркменская разведка
Предлагала тоннами урюк!
Так что парень я чистопородный –
Скорпион во всей своей красе!..
Может, Вы останетесь сегодня
На ночь... А хотите – насовсем...*

* * *

*Ты прости, я был «не очень» –
Всё заботы да дела.
Этой ночью, между прочим,
Меня мама родила.
У меня не день рожденья,
У меня рожденья ночь!
Ах, какое наслажденье
Водку в стопке растолочь!*

*Под нехитрую закуску,
Под душевные слова
Осушить графинчик узкий
Или даже, скажем, два.*

*И, отпраздновав «как надо»
Появление на свет,
Заказать с доставкой на дом
То, чего на свете нет.*

*Совершенно бесполезным
Вдруг заняться ремеслом:
Завилать хвостом облезлым
Под ракитовым кустом;
На груди порвать рубаху,
Перебить всю вражью рать,
А потом единым махом
Необъятное объять.*

*И солений, и варений
Заготовить сто пудов,
Сочинить стихотворений
На две тысячи томов.
Все побить рекорды мира
И заплывать за все буйки;
И махнуть свою квартиру
На палатку у реки.*

* * *

*Боже мой, как я хочу
У ворот стоять роддома
И искать твоё окно
Со счастливой цифрой семь,
И привязывать, дрожа,
На шнурочек незнакомый
Всё, что нравилось тебе,
Но нельзя теперь совсем.*

*А потом не спать всю ночь
На посту у телефона,
Потребляя кофеин
С никотином пополам,
И ужасно надоев
Санитарке утомлённой,
Вдруг услышать: «Три кило
Девятьсот пятнадцать грамм».*

*И сойти тотчас с ума!
И, прекрасно понимая,*

Что ещё почти все спят,
Но помчаться босиком,
Обгоняя без труда
Самый первый из трамваев,
Няням покупать цветы
И конфеты с коньяком!

И едва прийти в себя
Рядом с ворохом игрушек,
Прямо посреди двора
Снова под твоим окном,
Возглавляя дружный хор
Местных бабушек-старушек,
Угощая их халвой, мармеладом и вином.

Ах, как здорово поют
Вместе с нами два барбоса,
Серенаде удалой
Подвывая от души...
Не смотрите на меня
Недоверчиво и косо –
Там, в палате номер семь,
Наша будущая жизнь!

* * *

Всё, что было когда-то с нами,
Возвращается только снами...
В этих снах мы с тобою вместе,
По зелёной бежим траве,
И под страшным весенним ливнем
Мы с тобою от счастья гибнем...
Заглушая раскаты грома,
О любви я шепчу тебе.

* * *

Ах, какую бы я колыбельную
Сочинил, если б можно мне было!..
А пока я кружу над постелькою,
Чтоб простыночка не простыла.
Мне позволена лишь ладошка,
Что цепляется за мой палец,
Снег позволен, позволен дождик

*И по кругу с коляской танец.
Вот и жду я тебя под зонтиком,
Несмотря ни на дождь, ни на ветер.
Холодильник забили тортики
И любовь – всё-всё-всё на свете.
Лишь чуть-чуть намокают крылья,
Тяжелеет в полёте тело.
Ложатся на плечи пыли.
Свет остаётся белым.*

** * **

*Я сегодня – великан,
Гулливер из Гулливеров.
Наклоняясь к облакам,
Наслаждаюсь атмосферой.*

*Где-то в городе большом,
На моей ладони где-то,
Так тепло и хорошо,
Словно лето.*

*Там утра в восьмом часу
Беды вдалеке...
Зайчик солнечный уснул
На твоей щеке.*

*И, стараясь не дышать,
Чтоб тебя не потревожить,
Я пытаюсь разогнать
Надоедливых прохожих.*

*Я качаю колыбель,
Как волшебные качели.
И поёт моя свирель,
Как положено свирели.*

*Тихо музыка звучит,
И, сощурившись спросонок,
Зайчик солнечный урчит,
Как котёнок.*

* * *

Ты поплакала чуть.
Что-то, видно, приснилось.
А потом мы тихонечко поговорили,
И, кажется, что-то – не вдруг – но слепилось,
И слёзки исчезли.
Я утонул в глазах,
Смотрящих на этот мир,
И на меня. Коляска – на мягких крыльях.
Снег. Качели. И варежки – пусть «на вырост»,
Главное, чтоб налезли.

* * *

«А подорожник должен быть подороже,
А по дорожке должен быть подорожкин.
А если грибы все стоят на ножках,
То почему никуда не бегут?
И откуда в матрёшке столько матрёшек,
А в кошке – столько котят?
А часы у бабушки бьют,
Хотя на стене висят.
А разве крошка из крошек?
Варёного молока не пью!»
...Так первая неотложка
Врывается в жизнь твою.

* * *

Какой незабвенный день
И потрясающий час,
И радоваться не лень,
Как будто бы в первый раз.
Я радовался за нас,
И думал я лишь о том,
Не главное, что потом...
А главное, что сейчас!!!
А падает мокрый снег,
И не за горой – весна,
И сна потому лишь нет,
Что любящим не до сна.
И ветер качает нас,
И тень накрывает тень.
Какой незабвенный час
И потрясающий день!

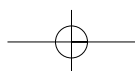
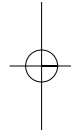
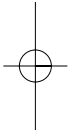
* * *

*Я тебя нарисую на листьях берёзовых,
На пролетающем ветерке...
Я тебя нарисую алыми розами
И дождинками на стекле...*

*Я тебя нарисую печалью безудержной
И радостью без границ...
Я тебя нарисую прошлым и будущим,
И стаями диких птиц...*

*Я тебя нарисую на небе звёздами
И зайчиками на воде...
Я тебя нарисую на грустной осени
И на счастливой весне...*

*Я тебя нарисую лунным светом
На полотне зари...
Я тебя нарисую на песне этой
И на своей любви...*

Борис Любимов

Со временем всё лучше понимаешь, насколько незаурядна личность Кирилла Дёмина. Он был педагогом от Бога. Преподавать начал рано, вскоре после окончания Щепкинского училища, и я считаю, что это очень хорошо. Если приходишь к педагогической деятельности в зрелом возрасте, то есть и опыт, и знания, но ты уже забыл о том, как сам был студентом. В Щепкинском училище существует замечательная традиция – учителями становятся вчерашние выпускники. Здесь проявлялись человеческие качества Кирилла: его чувство юмора, предельная требовательность – прежде всего, к себе, а потом уже к окружающему миру, доброжелательность, игровое начало. Драматизм его мировосприятия был очень глубоко скрыт. На людях Кирилл всегда улыбался, держался приветливо – никак не заподозришь, что у этого человека какая-то душевная драма.

Важно, чтобы педагог не навязывал студентам своих комплексов. Кирилл никогда не претендовал на роль гуру, проповедника, и общаться с ним было удивительно легко – в том числе и мне, несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте.

Я водил свою маленькую дочку на замечательный спектакль Щепкинского училища «Вождь краснокожих», в создании которого Кирилл принимал большое участие. А потом, уже в Малом театре, я видел Дёмина в роли Чацкого, которая не совсем ему подходила,

Чацкий.
«Горе от ума».

но мне было очень интересно следить, как он в ней ориентировался, открывая что-то новое и в себе, и в этом хрестоматийном образе.

Вскоре мы поехали на гастроли в Барнаул, и молодёжь, в их числе и Кирилл, пригласила меня на свои посиделки. Это был такой разгул от широты душевной – смерч, водоворот, Ниагара! И вместе с тем – всё легко, весело, без надрыва и скандала. После этого мы постепенно подружились, и когда я бывал в Малом театре, то непременно, хотя бы на несколько минут, заходил в 33-ю гримуборную, которую Кирилл делил с Димой Козновым и Серёжей Вещевым. Там всегда тепло, уютно и сердечно, там умеют обходиться без сплетен, зависти и недоброжелательства. Кирилл любил рассказать что-нибудь весёлое, смешное, но не злобное. И глаза за толстыми стёклами очков сразу начинали искриться – его отличало замечательное чувство юмора.

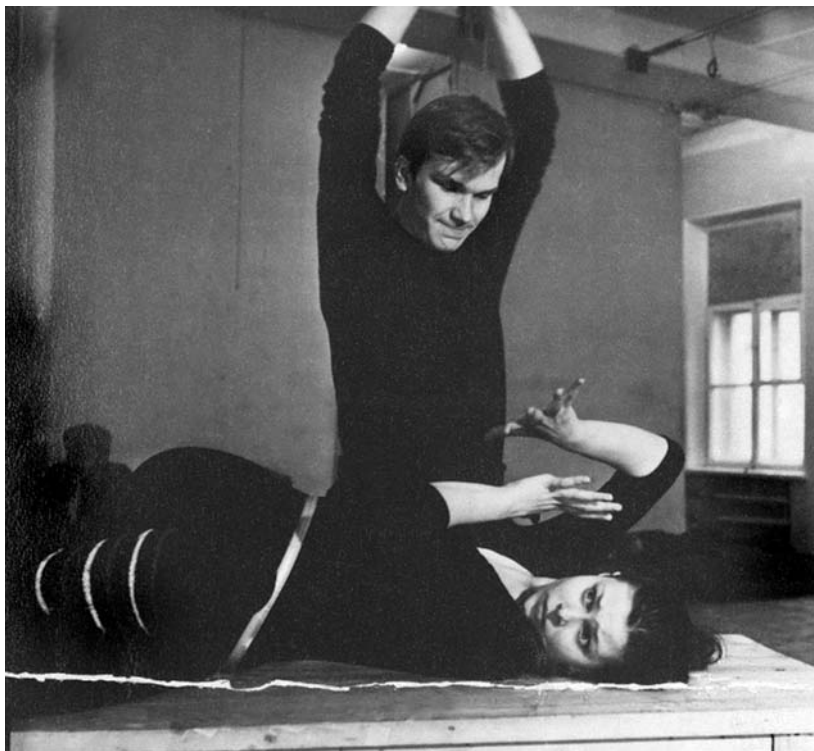
Кирилл был и не обделён ролями, и не засыпан ими – думаю, в зрелом возрасте у него начался бы переход к самым серьёзным работам. Но, как бы ни обстояли дела, актёрского брюзжания от него никто не слышал. Отличительные свойства его натуры, необыкновенно тёплой в восприятии мира и в способности эту теплоту передать другим, – свобода, лёгкость, корректность в общении, контактность. Помимо иронии у него всегда присутствовала самоирония. В начале нашего знакомства я как-то сказал ему хорошие слова – и сразу увидел, что он взглянул на меня недоверчиво: искренен ли я? Кстати, когда я пришёл ректором в Щепкинское училище, это ничуть не изменило наших отношений, между нами сохранились короткость и теплота.

Может быть, с годами его лирический дар открылся бы в ещё большей степени. Может быть, он пошёл бы в режиссуру. Трудно говорить о Кирилле в прошедшем времени. Видишь его улыбку на фотографиях – и понимаешь, что она выражает его сущность, его отношение к жизни. Во всяком случае, так он держался – непостижимо весёлым человеком. И хочется с улыбкой, теплотой и любовью вспоминать всё, что было с ним связано.

Елена Харитонова

Мы поступали с Кирюшей Дёминым в 1983 году в Театральное училище имени Щепкина к Юрию Мефодьевичу Соломину и Николаю Александровичу Анненкову. Всего взяли семнадцать мальчиков и десять девочек. Это считалось большим курсом, потому что обычно зачисляли двадцать пять человек. Все ребята оказались разноплановыми и разнообразными, и возникало ощущение, что Юрий Мефодьевич набрал несовместимых друг с другом людей. Кирюше на момент поступления исполнилось всего шестнадцать лет. Но, несмотря на юный возраст, внутренне он был уже абсолютно состоявшимся человеком, джентльменом во всех своих проявлениях.

После 3-го курса у нас состоялась поездка в Братиславу на фестиваль театральных школ. Мы представляли спектакли «Гори, гори, моя звезда» Фрида и Дунского и чеховскую «Чайку». Сначала Кириллу дали роль Тригорина, а мне – Нины. Но потом на курсе случилась непредвиденная ситуация, и из семнадцати мальчиков десять забрали в армию. Это была просто катастрофа – рухнули все планы наших педагогов по поводу дипломных спектаклей. И в результате Кирюшу «перебросили» на Треплева. Эта роль изначально подходила ему больше, но, видимо, Юрий Мефодьевич руководствовался тем, что Кирилл был невероятно интеллигентен, настоящий интеллектual, потому и дал ему сперва Тригорина, а потом уже Треплева. Играл Кирюша Треплева блистательно: ярко, нервно и одновременно сдержанно, но внутри бурлили эмоции и страсти.

С Еленой Харитоновой на студенческих этюдах.

Для всех студентов это была первая зарубежная поездка. Нас собирали в КГБ, ориентировали, как себя вести: из гостиницы по одному не выходить, вечерами сидеть в номерах... Мы ехали всего-навсего в Братиславу, в дружественную Чехословакию, но всё равно это была заграница. Естественно, на месте все инструкции оказались моментально забыты, благо мудрый Юрий Мефодьевич, видя наши настроения, просто закрывал глаза на какие-то вещи. Кстати, мы тогда заняли первое место, а среди участников были Великобритания, Австралия, Германия, Польша, Чехословакия, Франция – т.е. очень много стран. После спектакля «Гори, гори, моя звезда» зрители скандировали стоя, и потом подходили к нам, а все же говорят каждый на своём языке, никто ничего не понимает. Кирюша был единственным, кто знал немецкий, причём в совершенстве, и мы только кричали: «Кирюша, иди сюда!» И он переводил.

Ещё у нас состоялись две замечательные поездки по стране: после 2-го курса мы отправились в Казахстан с гастрольями – отрывки, песни, фехтование, по-

сле 3-го – с концертом в Мурманск. Кирюша и я были заняты в «Благочестивой Марте», потом пели дуэтом, аккомпанируя себе на гитарах – именно Кирилл, кстати, научил меня играть. И там, конечно, тоже люди проявлялись по-разному. Вообще, все мальчики с курса были настоящими – они нас берегли, ценили, если нужно что-то подтащить, принести, помочь – никогда не возникало никаких вопросов. И Кирюша тоже проявлял себя как Мужчина с большой буквы. Галантность, кстати, его отличала всегда – спасибо родителям. С ним было на редкость комфортно, легко, надёжно.

После училища я уехала в Самару и семь лет проработала у Петра Монастырского в Академическом театре драмы имени Горького. Кирюша остался в Москве. Мы постоянно поддерживали связь, переписывались. А в 94-м году Юрий Мефодьевич пригласил меня в Малый. Этому, кстати, предшествовала интересная история. Самарский театр был участником фестиваля Островского, мы привозили спектакль «Волки и овцы». Сыграли – и уехали. И тут я вспоминаю, что оставила в гримёрной свою роль. В панике звоню Кирюше: «Спа-

На концерте.

Бабьека, Маргарита — Елена Харитонова.
«Тайны Мадридского двора».

сай, что делать?!» А он мне говорит: «Хороший знак!» Через два года я оказалась в Москве, за тем же самым столиком и с той же ролью в «Волках и овцах».

Мы с Кирюшей много лет играли вместе в «Тайнах Мадридского двора». Он, кстати, ужасный «расколыщик». Был даже такой смешной случай во время нашей с ним двойной сцены. Он меня «расколол», я расмеялась и решила отплатить ему той же монетой. И вдруг понимаю, что весь текст вылетел из головы! Кирюша хохочет, а я — «белый лист», совершенно не знаю, что сказать. Поворачиваюсь на суфлёра, а та занимается какими-то посторонними делами. Вот такая была история, Кирилл радовался просто до слёз. Кое-как мы с ним «выплыли», доиграли. Хулиганистость в нём присутствовала всегда, это было с юности и осталось фактически до самого конца. Когда Серёжа Вещев сказал мне, что Кирюша в больнице, я позвонила, отправила эсэмэс, но он не ответил. Я говорю: «Серёжа, почему?» — «Да он в реанимации, но я ему скажу». Встречаемся через некоторое время: «Давай, я приду!» — «Нет-нет, Кирилл не хочет, и вообще он сказал: «Ну, уж если совсем помирать буду, тогда приглашу Харитонову». Через несколько дней Кирюши не стало. Удивительное качество — уметь шутить даже в такой ситуации. Это далеко не каждому дано.

Человек он был замечательный. Никогда ничего не жалел для друзей, что-нибудь попросишь или даже просто безо всякой задней мысли скажешь: «Как бы мне хотелось...», и на следующий день он вдруг раз – и приносит. «Откуда ты это взял?!» – «Ну, ты же хотела». И это касалось не только меня, это было в его природе. На премьеру он всегда девчонкам приносил цветочек или сувенирчик. Всё, что было, отдавал другим, ничего для себя не копил – да я так... Подобных людей мало. Я, пожалуй, и не знаю на сегодняшний день другого настолько бескорыстного человека. И никогда ничего для себя не просил. Для друзей – да. Он мог за кого-то заступиться, даже себе во вред. Кирилл никогда не молчал, если происходила какая-то несправедливость.

В «Бедности не порок» у него была блистательная работа! Он, кстати, всегда мечтал сыграть Сирано, и даже стихи написал на эту тему, такой был юношеский порыв. Мы ещё учились, когда в Малом театре вышел спектакль «Сирано де Бержерак» – Юрий Мефодьевич и Нелли Ивановна Корниенко, тоже наш педагог, играли просто потрясающе! И когда я узнала, что снова состоится эта постановка, то сразу подумала о Кирише. Он по сути своей был похож на Сирано.

С однокурсницами.

Евгения Дмитриева

Я Кирюшу знаю... Ну как – «Кирюшу»? Сначала он был для меня Кириллом Вадимовичем. Познакомились мы, соответственно, когда я поступила в Щепкинское училище на курс Николая Алексеевича Верещенко, которого тоже, к сожалению, уже нет в живых. Преподавателей было трое: Верещенко, Солнцева и Дёмин. И нас шестнадцать человек. Прекрасный курс, без гигантомании: три педагога, четыре спектакля, очень тесная атмосфера. Мы для (на тот момент) Кирилла Вадимовича стали первым курсом, на котором он начал преподавать. Он успел написать инсценировку и музыку к «Вождю краснокожих», но это была не режиссёрская, а скорее литературно-музыкальная работа. А с нами он уже на правах молодого педагога делал отрывки, упражнения. И, конечно, на фоне двух мастодонтов, Верещенко и Солнцевой, мы вели себя отвратительно – Кирюша, прости нас, пожалуйста! Отрывались на его занятиях, как могли: стояли на ушах, прикидывались врачами в сумасшедшем доме, которые подглядывают за пациентами в щёлочку. Кирилл ужасно обижался. Притом, что все очень любили его, прекрасно к нему относились, но так бывает всегда: студенты – «банда молодых».

Потом я окончила институт, и мы перешли на «ты», поскольку стали коллегами. Что я могу сказать? Я очень любила заходить в 33-ю гримёрку, потому что Кирюша обладал одним качеством, которым, мне кажется, мало кто наделён, и на сегодняшний момент, оно, наверно, и не нужно, – просто невероятнейшей

человеческой скромностью. У него всегда имелось своё мнение, свой вкус, но представить, что он его кому-то навяжет, совершенно невозможно, настолько он был мягок и тактичен. Как педагогу ему это, наверное, мешало, потому что авторитарность тоже должна иметь место – вот так, и всё! Он очень внимательно слушал собеседника и со студентами разговаривал, как с коллегами, что не всегда возможно с этой «подрастающей сволочью». Я не могу сейчас припомнить кого-нибудь другого, кто был бы до такой степени трогателен. Его человеческая природа не позволяла ему делать каких-то вещей.

У Кирилла была маленькая собачка; он как раз перебрался на новую квартиру, делал ремонт, и собаку не с кем было оставить, когда он уезжал в Голландию с «Царём Петром и Алексеем». И Кирюша попросил меня с собакой пожить. И я жила с собачкой – это отдельная история – она всё время норовила выскочить из лифта, когда двери закрываются, а я судорожно жала на все кнопки, потому что понимала, что собачка сейчас повиснет – ну, ужас!.. С ней вообще была целая песня. И когда Кирилл приехал, раздался звонок, я открываю дверь – и теряю дар речи, потому что в руках у него – огромная охалка вангоговских подсолнухов! Вот только Кирилл мог – на моей памяти больше никого – приносить всем девочкам на экзамен по цветку. И на премьеры всем актрисам дарить по розе. От него никогда не было ничего «просто так». У меня есть медведь «имени Кирилла», огромный, меховой. Если нужно сесть на пол, я сажусь на этого зверя.

И очень обидно, что Кирилла не стало как раз в тот момент, когда пришли его роли. Потому что в «Бедности не порок» он играл совершенно потрясающе. Насколько точно он делал этого неприятного купца, с какой сущностью оттуда выползал и с какой болью внутренней! Мне кажется, что Африкан Савич – лучшая работа Кирилла. И вот он дожил как раз до тех лет и ушёл тогда, когда его роли сейчас все и ждали. Вот такая вещь. Ну, тут уж не мы распоряжаемся.

У меня с ним связано миллион сто тысяч каких-то смешных историй – мы ведь ещё и на курсе вместе работали. Вот их нет уже, Николая Алексеевича с Кириллом, а мне вспоминается наш студенческий спек-

Африкан Савич Коршунов.
«Бедность не порок».

Бабьеска, Гватинара — Николай Верещенко.
«Тайны Мадридского двора».

такль, его делал Николай Алексеевич, а Кирилл помогал — «Страх и нищета в Третьей империи» по Брехту. Там всё начиналось не с зонгов, а с дансинга, что-то вроде кордебалета. Довольно революционный спектакль, кафедра не очень понимала, как его воспринимать, потому что там был канкан с задиранием юбок — 93-й год, как-никак. Это сейчас уже всё что хочешь — можно, а тогда времена были другие: у театра, например, продавали вещи. И я помню, они оба — Николай Алексеевич и Кирюша — в очках, сидят на заднем ряду, а мы идём кордебалетом, и вот эти две пары очков кивают в такт нашим движениям.

Больше всего мы пересекались в «Снежной королеве» — какой это был кайф! Я выходила на сцену вместе с Николаем Алексеевичем-Сказочником, потом с Кириллом, и мне было так радостно — с педагогами я играю! Ещё очень нравилось, когда удавалось их «расколоть»: если уж они начинали смеяться, я и сама не могла удержаться от хохота. Не может, наверное, жизнь не состоять из подобных людей — иначе мы бы уже друг друга съели. И задумываешься ты об этом

только тогда, когда они уходят. Я недавно прочитала «Матрёнин двор» – ну какая-то убогая старуха, Господи. А может быть, действительно, без таких мир не стоит? Это последние романтики. Он же был ужасно романтичен! Вот он что-то говорит, рассказывает... «Что ты хочешь, Кирилл, поставить?» – «Я? «Три мушкетёра»!» Мама дорогая, «Три мушкетёра»! Это что же у мужика в голове?! Это какое же небо голубое должно быть, совершенно незапятнанное облаками, чтобы хотеть поставить «Три мушкетёра»! Вот сейчас задумываюсь: так проявлялась детская натура Кирюшина, чистая... И тема дружбы – тоже его. Поэтому, что я могу сказать? Кирюша, я тебя любила, люблю, и пускай там всё будет... Царствие тебе небесное.

Сказочник, Герда – Варвара Андреева,
Ворон – Александр Вершинин,
Кай – Глеб Подгородинский,
принц Клаус – Алексей Анохин,
принцесса Эльза – Евгения Дмитриева.
«Снежная королева».

* * *

Когда прекратятся дожди,
Ты снова на землю вернёшься
И летней грозой обернёшься, –
Когда прекратятся дожди...

Когда всё исчезнет в снегу,
Ты небом безоблачным станешь
И солнцем одежды украсишь, –
Когда всё исчезнет в снегу...

Когда снова встретишь меня,
Ты рядом тихонько присядешь,
Судьбу на ладони протянешь, –
Когда снова встретишь меня...

Когда будет нам тяжело,
Ты старую сказку расскажешь,
Как надо созвездья расставишь, –
Когда будет нам тяжело...

Когда будем счастливы мы,
Ты ласково мне улыбнёшься
И снова уйти соберёшься, –
Когда будем счастливы мы...

* * *

Что же мне делать с тобой?
Ты же поручена мне
Этой индейкой-судьбой,
Полной незначащих дел.
Полной сплошной суеты,
Стуком вагонных колёс,
Тем, что сказала мне ты,
Этих, каких-то там, слёз.
Я бы давно уже слез
С поезда «здесь и туда»,
Только сказали – нет мест
В будущих поездах.
Камнем разбито окно,
Зябнет плацкартный вагон.
Но, что дано – то дано,
И наплевать на ворон.
И наплевать на тупик,

*И начихать на «не так».
В лучшей из лучших книг
Сказано – не пустяк
День, даже полный слёз,
Даже с тобой – час,
Запах твоих волос,
Чудо твоих глаз.*

** * **

*Ты останешься самой красивою,
Сколько бы лет ни прошло
Под расцветающей сливою,
Медведицы под ковшом.*

*Ты останешься самой хорошею,
Будешь навек моя.
И будущим станет прошлое,
А прошлое – это я.*

*Научусь я быть настоящим,
Позабуду все «но» и «ну»,
И рядом с тобою, спящей,
Я усну.*

** * **

*Мне бы найти попроще.
Куда я – с такой рожей?
Не старше и не моложе.
Но, Боже, ты видишь, Боже.*

*Она для меня, похоже,
Останется лишь прохожей,
И строже бы надо, строже,
Но, Боже, ты видишь, Боже.*

* * *

Как уткнуться в колени твои,
Что мне надо для этого сделать,
Чтобы снег был всегда только белым,
Словно яблоки «белый налив»?

Что мне делать с любовью своей
И твоею, увы, нелюбовью,
Чтобы дождь запретили сегодня,
Но чтоб завтра полили сирень.

Чтобы я обязательно съел
Приносящее счастье соцветье,
А потом рассказал нашим детям,
Как я молод, любим был и смел.

* * *

Я обещал тебе не пить,
И я не пью – я выпиваю,
И в этом разница большая
Для понимающих процесс.
Ты приказала не звонить
И не являться «в этом виде»,
А то твой телоохранитель
Загавкает на весь подъезд.
И я стираю не спеша
Подошвы о любимый город,
И всё ищу для счастья повод
В давно написанной судьбе.
И кто мне может помешать
Кивать прохожим незнакомым
.....

* * *

...И вдруг окажется, что важно
Всё, что постыло и бумажно.
Давно в пыли стволы Лепажа,
И глаз – не тот, и цель – не та.
И копят в шкафу перчатки,
Душа – заплатка на заплатке,
А негодяю по сопатке –
Так глаз не тот, рука не та.

* * *

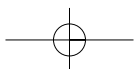
Бойся данайцев, дары приносящих,
Да и ахейцев, режущих стрелы
Из веток орешника. Что будет дальше?
Посмотрим. Покуда под солнцем тело.
Щит задержал уже двадцать булавок,
Остальные отбиты мечом на бегу.
Я хотел и мечтал добежать до славы,
Я не Ахилл – но я тоже могу
Так постучать по щиту наверх
Копья, вызывая на смертный бой,
Через мосток пробежав сгоревший,
Чтобы унюхать лишь запах твой.
Когда ты бежишь – ни земли, ни неба,
И боль, которую – закуси.
Счастье моё, что краюха хлеба
Мне не даёт о тебе грустить.

* * *

У меня есть долги – я их помню подкожно.
У меня есть враги – это тоже возможно.
И друзья – которым меня не хватает,
И погода, которой меня промокают.
И любимая – где-то живущая с кем-то.
И пельмени – одна лишь еда на свете,
И храпеть можно громко, и как пожелаешь,
И не важно, с какой ты ноги утром встанешь.
И не надо просить подсолить постоянно,
И не драить почти уже чистую ванну.
И, конечно, не надо вставать к колыбели,
Если вам серенаду ночную пропели.
Столько радостного и хорошего...
А сегодня был снег. Припорошило.

* * *

Ах, какое тогда было лето!
Мы встречались с тобой каждый день.
Как любил я тебя за это,
Я на крыльях к тебе летел.
Я был счастлив необычайно,
Думал я, что так будет вечно,
И бежал я тебе навстречу.

*Ах, как сердце тогда стучало!
И душа в небеси порхала,
Даже на ночь не возвращаясь,
И весёлым я был нахалом,
Не стесняясь и не смущаясь.
Я на улице бил чечётку,
Заставляя тебя смеяться,
Вдруг поверив, что мне семнадцать,
И всё будет легко и чётко.
И когда наступало утро,
Так безоблачно было небо.
Просто было всё так – и мудро,
И хватало вина и хлеба.
Было много тепла и света,
И я счастлив был каждый вечер.
Думал я – это будет вечно.
Ах, какое же было лето.*

* * *

*Из женщин характера сильного
Кознова Ольга Васильевна.
Из женщин таланта серьёзного
Ольга Васильевна Кознова.
И нет в целом свете красивее
Козновой Ольги Васильевны.
И не получается прозой
Об Ольге Васильевне Козновой*.*

* * *

*...Урожай был, в общем, неудачный,
Лучше бы морковь посадил...
Но недели две посёлок дачный
Неудачный урожай курил.*

*Далеко нам, братцы, до Колумбий,
До плантаций мака в Фергане!
На простой отечественной клумбе
Выросшее – ценится вдвойне.
Лепота в какой-нибудь Гвинее:*

* О.В.Кознова – заслуженная артистка России, сценарист, ведущий режиссёр редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения (1956–1996), мама Д.Кознова.

*Кинул семя – и оно растёт!
Здесь, у нас, в Центральном Черноземье,
Круглый год каннабис не цветёт.
Нет в своём отечестве пророка,
Но зато – пороков...*

.....

* * *

*Занимался я борьбой
Нанайских мальчиков
На глазах одной
Нанайской девочки.
И с тех пор мы с ней всегда
Ходим парочкой –
Я, она и два
Её брательничка.
Братья мрачные гуляют,
Как вороны,
В середине, так сказать,
Композиции,
А мы с девочкою по
Обе стороны –
Это наша родовая
Традиция.
Надо с братьями ходить
Так три месяца,
Но за это время
Можно повеситься.*

* * *

*...А где-то ведь женщины с нежной душою
Презрели домашний уют,
И мамонта бьют, и вечерней порою
Душевные песни поют...*

* * *

*При росте метр пятьдесят один
Я часто остаюсь совсем один,
И дамы, надевая каблуки,
Становятся безумно далеки.
Они не замечают с высоты*

*Моей необычайной красоты.
При весе сорок восемь килограмм
Я часто получаю по рогам,
И даже если сдачи дать хочу,
Я от отдачи далеко лечу.*

** * **

*Я с детства хотел быть клоуном.
Ну вот, мечта и сбылась.
Жаль только, сердце надорвано,
Всё выпрыгнуть торопясь.
Но я же не фунт изюма,
И я ещё дам дрозда.
Жаль только, я стал угрюмым
И нравиться перестал.
А может – рвануть по бабам
Или уйти в запой?
Жаль, становлюсь я слабым
Наедине с тобой.
А дома я так отважен,
Я бледный теряю вид,
И жаль только – змей бумажный
Сейчас за мной не летит.*

*Сергей Вещев
и Дмитрий Кознов*

Сергей Вещев. Я хочу рассказать о том, как увидел Кирилла первый раз в жизни. К тому времени я успел закончить институт. У меня была любовь, будущая первая жена Ольга, и мы вдвоём пошли на прослушивание, Юрий Мефодьевич Соломин как раз набирал курс. Ольга работала секретарём ректора, так что можно было посидеть посмотреть. Вдруг выходит мальчик, абсолютно интеллигентного вида, не «ботаник», а – светлый. И очень стеснительный, безо всякого тщеславия или амбиций. Нет, он просто вышел, и мы с Ольгой переглянулись – оп! Вдруг интересно стало. Что-то в нём было именно светлое. Когда видишь НЛО, ты не понимаешь, что это такое, но тебя тянет, безумно притягивает. И вот он тоже притягивал. Причём он всё делал наперекор, не по-актёрски, там не было ни одного общепринятого штампа. Существуют законы сценического поведения: руки, голос, шаг вперёд – широко и жирно. А он говорил тихо, глотая концы фраз. И вдруг Юрий Мефодьевич спрашивает: «Как фамилия? Дёмин? Ну-ка, крикни-ка мне, Дёмин: «Эй, здравствуйте!» Кирилл: «Зачем?» – «Так, я не понял. Ты просто крикни, как будто там вдалеке человек, и ты его окликаешь». – «Хорошо». И вдруг как закричит во весь голос: «Эй, привет!!!» Тут что-то было такое... Не то, что готовый актёр пришёл; он словно перепрыгнул в 4-й курс – сначала выяснил, зачем, а потом сделал. Он всё время перешагивал – у меня

Африкан Савич Коршунов, Гордей Карпыч Торцов — Дмитрий Кознов.
«Бедность не порок».

такое ощущение, что в профессии, в творчестве, в поэзии, в жизни Кирилл не шёл по протоптанным дорожкам, а двигался к достижению цели другим путём, абсолютно неординарным. Это была черта его характера, которая мешала общепринятым правилам и установкам, таким как – есть штампы, вы давайте делайте так. Нет, он подходит к роли иначе, но в итоге получаются интересные, глубокие персонажи. У него внутри как будто сидел свой барабан, по которому ударишь – а там другой звук. Наполненный, звенящий – совершенно другой. Лично для меня это очень интересная актёрская структура.

Дмитрий Кознов. Творческая, неординарная, абсолютно независимая, нехамская, не толкающаяся, как в метро.

С.В. Вот если идёт толпа – ты правильно про метро сказал – он станет уступать дорогу женщинам, старушкам, детям. Вроде бы он движется со всеми, но по-своему – очень нравственно и чисто. Почему

С Сергеем Вещевым.

Кирилл всегда был настолько интересен на сцене? Он глубок, там какой-то другой непостижимый мир. Он как кашалот, если пользоваться классификацией рыб: плывёт сам по себе, ныряет на глубину десять тысяч метров, так многим не дано. Когда я его впервые встретил, Бог знает сколько лет назад, он произвёл на меня именно такое впечатление. Потом начались наши контакты, совместная работа. Расскажу один случай. В Малом ставили спектакль «Дом на небесах» по пьесе Иржи Губача. Главного молодого героя звали Фанда, и нас вдвоём назначили на эту роль. Все вокруг были потрясены только одним. Допустим, я репетирую, а Кирилл сидит в зале. Я спускаюсь, и он мне говорит: «Надо так». Потом он выходит на сцену, и уже я даю ему советы: «А вот эту фразу надо так...». И мы начинаем друг другу помогать. Понять этого в театре было невозможно: надо ведь сжирать конкурента, подножечку подставить! К чему я об этом вспомнил? Не сказал бы, что Кирилл мог помочь врагу перейти на свою сторону, но он был на-

столько честен и порядочен с тобой, что и ты рядом с ним становился таким же честным и порядочным, потому что невозможно потом за его спиной сделать что-то плохое. Он был очень сильный человек, и морально, и физически. Я знаю, как он мог поставить на место хулигана. У него была очень тяжёлая рука, это в папу.

Д.К. Я познакомился с Кириллом в училище. Совершенно не знал и выяснил уже в театре, что его отец являлся сокурсником и другом моего отца, они вместе заканчивали ГИТИС. У нас четыре года разницы, я был на 4-м, а он на 1-м курсе... Кирюша производил впечатление человека, прошедшего армию. В юности он очень хотел попасть в Афган, но его не взяли служить в связи с плохим зрением. Он очень переживал из-за этого. У него в классе многих отправили в Афганистан, кто-то из друзей не вернулся, кто-то потом погиб. Кирилл считал, что его там не хватало. Эта тема нашла отражение и в его стихах, и в песнях. Для всех нас 9 мая и Победа советского народа – основополагающая тема. Он верил, что на войне проявляется всё, особенно честь и умение подставить плечо другу. Предательство видно сразу.

Мне кажется, что Кирилл жил периодами. Обычно люди трансформируются постепенно, а у него это получалось как-то скачкообразно. Вот он жил период, набирал – и потом резко переходил к следующему. Не знаю, почему. Как человек, как личность он, безусловно, реализован, но хотелось бы другого, хотелось бы, чтобы он гораздо дольше пожил на этом свете. Первый период, когда он пришёл в театр, был совершенно беззаботный, весёлый. Кирюша, кстати, очень здорово сыграл Чацкого в «Горе от ума». Он победил полностью. Это был интеллигент, не навязывающий себя истерик-Чацкий, а человек, который никак не возьмёт в толк – что же могло произойти за время его отсутствия, чтобы он настолько перестал понимать людей своего круга?

С.В. Мне его работа напомнила Смоктуновского в роли Гамлета. Действительно, Чацкий не понял – за три года так деградировали все... А, может, это Я деградировал? И он, прежде всего, занимался самокопанием. Если Гамлет обвинял окружающих, то этот начинал с себя, и возникал вопрос: а чего Чацкий-то? Может, он и вправду с ума сошёл? Для меня его Чацкий стал откровением. Я видел в этой роли прекрас-

33-я гримёрка во всей своей красе.

ного Богина, блестящего Виталия Соломина; это были опытные артисты, а Кирилл для своих молодых лет сыграл, как Смоктуновский, я серьёзно. Он взял роль! И тогда ещё мы подумали: какой будет артист! Но он и стал артистом. Он был бы ещё БОЛЬШИМ артистом...

Д.К. Мы делали очень много капустников. Конечно, случались и ссоры, но мы научились тянуть одну лямку. У нас у всех было своё «распределение ролей». Если сравнивать с живописью, то я – мастер широкого мазка; Серёга всегда собирал материал, организовывал, расставлял точки с запятыми, примирял – искал консенсус...

С.В. Я – миротворец.

Д.К. А Кирюха очень любил точность формы, смысл. Мы набрасывали материал, а потом он уже оттачивал линии, добавлял иронию. На определённом этапе к нам присоединился и Виктор Иванович Коршунов. Интересно работалось. Театр жил, были капустники. Мы участвовали и в капустниках Виталия Мефодьевича. Когда Кирилл пришёл, у нас, конечно, много весёлого было. Ездили отдыхать на Валдай,

там он научился плавать. В любое время суток ходили на лодках. Там же произошла и знаменитая история с очками. У Кирилла была огромная близорукость. Как-то ночью мы пошли купаться, и он аккуратно положил очёчки на берегу. А тогда это была целая проблема: врач, стёкла заказать, оправу... Ну, натуральное дело, по этим очёчкам прошлись. И дальше он целый год никак не мог поехать сделать новую пару.

– **А как он жил всё это время?**

С.В. На ощупь.

Д.К. Ты знаешь, у Кирилла намного улучшилось зрение, потому что ему приходилось грести, плавать, играть на бильярде, ходить по лесу. У него, кстати, хорошая туристическая подготовка была.

С.В. Костёр-то он всегда мог разжечь.

Д.К. Все друзья у нас общие, как в России, так и за границей. Их, конечно, потрясло то, что случилось. Жизнь короткая – сорок четыре года – но пережито было очень много. Начиналось всё с ярчайшего, весёлого мировосприятия, замечательных песен, которые с удовольствием слушало огромное количество народу, песен хулиганских, с колоссаль-

ным юмором, самоиронией, чем Кирюша всегда отличался. Потом наступил период переосмысления того, что происходит вокруг.

– **Как Чацкий.**

С.В. Да-да-да. Можно сказать, эта роль легла на его жизнь. Хотя он и сыграл максимум спектакля три.

Я вот ещё что хочу сказать. То, как он умел любить – человека, женщину, жизнь, просто букашку, детей... Так пишут в романах, в литературе, в стихах. Для Кирилла любовь – это, прежде всего, самопожертвование. Отдавать было потребностью его души. Это тоже, мне кажется, сыграло свою роль – у нас несовершенный мир, мы же понимаем. Если ты открыт – обязательно крылышки подрежут. А это редкое качество – умение любить – было у него в природе. И его очень часто не то что предавали – подставляли, а он всё равно верил, что любовь настоящая есть. И она действительно есть, Кирилл это доказал всем своим существом. Для меня его умение любить – беззаветно, искренне, ничего не требуя, а только отдавая, – является примером, хотя я и старше. Так сложнее всего, но он на это был способен. Мы же все стараемся закрыться, поберечься, соломки подстелить... Кирюша не любил этого. Его душа была создана из очень тонких нюансов. И он не исчерпал себя, наоборот. Просто его потребность в любви не нашла выхода здесь, на Земле.

Д.К. У нас с Серёжкой в армии был командир, Анатолий Андреевич Двойников, так он говорил, что нельзя делить людей на белых и чёрных. Для Кирилла было главным, каков человек. Ещё он очень уважал людей, которые занимаются всеми профессиями в театре.

С.В. И Кирюша, и Митя, и я – мы считаем, что нужно быть не только хорошим работником, но, прежде всего, порядочным человеком. К сожалению, в любом коллективе, но в театре особенно, очень много грязи, и трудно быть порядочным, если ты хочешь сделать карьеру. Слово «карьера» мы не любим. У меня нет такого тщеславия и амбиций, которые заставляли бы идти по трупам, чтобы быть звездой. Да, я хочу играть, но я не хочу из-за этого наступать на людей. Вот Кирилл никогда не мог позволить себе над кем-то поиздеваться, что-то кому-то сломать, помешать. А в нашей профессии обойтись без этого трудно. Но можно. У Кирюши был просто комплекс порядочности и любви к ближнему. Как по библейским заветам.

Д.К. Кстати, ко всему, что касается религии, он относился очень серьёзно.

С.В. Он верил в Бога, но никогда не выпячивал это.

Д.К. Работал он много, интересно, в том числе в Русской службе Би-би-си. Там было очень тяжело, приходилось записываться по ночам. А ещё театр, училище, радио... Часто давал займы, притом что не было совершенно никакого желания чего-то накопить. Он патологически нежадный человек, очень легко расставался с деньгами. И на дух не переносил халяву – это тоже всегда объединяло нашу гримёрку. У него замечательные родители, на редкость самолюбивые, сибиряки, достигшие многого своим трудом и умом. Кирюша их очень любил. Прекрасная мама Людмила Александровна. Интереснейший человек – отец, Вадим Петрович, он был ректором ГИТИСа, первым замминистра культуры, что абсолютно не отразилось на так называемой карьере Кирилла Вадимовича, потому что папа, как интеллигентный человек, не мог себе позволить ею заниматься. Да Кирилл бы на это и не пошёл. У него два замечательных брата, один работает на телевидении, другой – учёный, химик, который получил грант в Германии и теперь живёт там. Кирилл самый старший. Конечно, тяжелейший, как оказалось, период у него был, связанный со здоровьем, потому что этим надо заниматься, а лечиться он не любил. «Звонки» шли, но он не очень на них реагировал.

– Мне хочется Серёжу спросить о ваших общих театральных работах. Всё началось с «Дома на небесах», а дальше?

С.В. Я всё время за ним доигрываю. Конечно, переплюнуть его невозможно. Да и не надо. Очень многие спектакли сначала Кирюша выпускал, а потом меня вводили. В «Царе Иоанне Грозном» я исполнил после него Григория Нагого, в «Тайнах Мадридского двора» – Бабьёку, в «Мнимом больном» – Пюргона. В «Обсуждению подлежит» мы играли двух санитаров, в «Ревизоре» были Бобчинским и Добчинским. В «Мамуре» и «Недоросле» участвовали все втроём. Я ему очень благодарен – он постоянно наталкивал меня на какие-то интересные ходы: подойдёт, что-то посоветует, ты это сделаешь, а это – хоп! – и есть решение роли. Подобно режиссёру, высочайшего уровня художнику, он чувствовал, как надо. И он мне подсказывал очень многие вещи. Я ему тоже, конечно, подсказывал.

На фуршете по случаю 250-летия Малого театра.
Слева направо: Сергей Вещев, Алексей Анохин,
Кирилл Дёмин, Алексей Кудинович, Дмитрий
Бочаров.

зывал. Мы все друг другу подсказывали – постоянно, непрерывно. Но тут есть свои ключевые моменты – он был абсолютно нежаден до этих идей. Каждую его мою работу я посвящаю Кириллу. Всё равно он рядом. Он как будто уехал в командировку. В этом отношении я оптимист – он с нами, он всё время улыбается.

Беседовала Ольга Петренко

С Сергеем Вещевым и Алексеем Кудиновичем
перед спектаклем «Царь Борис».

Алексей Кудинов

Бывает так, что спектакль уже сыгран сотни раз, и ты заставляешь себя идти в театр через силу, но знаешь одно: ты встретишь хорошего человека, и это даёт уверенность, что день прожит не зря. Таких людей, таких друзей, как Кирюша Дёмин, немного. Он настолько родной был, удивительный, добрейший, наделённый чуткой душой. Смотришь на него и понимаешь – этот человек тебе по сердцу.

Он был другом моей семьи, да что другом – членом семьи. Когда мои родители уходили... сперва папа, а через два месяца мама – Кирилл всё время находился рядом и помогал мне. Вот такой он был.

Мы вместе играли в «Царе Фёдоре» старика Богдана Курюкова, хотя сами были совсем молодыми... Подружились сразу – родственные души. Как-то посмотрели друга на друга, выпили за знакомство – и всё это вылилось в дружбу. Думаю, он относился ко мне так же, как я к нему, между 32-й и 33-й гримёрными всегда царило полное взаимопонимание. Мне даже хотелось снести разделявшую нас стенку!

Каждый актёр привносит в роль частичку собственной индивидуальности и души. Именно потому запоминается его исполнение. И когда Кирюша играл того же Богдана Курюкова, он делал некоторые вещи удивительно, у меня это никогда в жизни не получалось. Он действительно был обаятелен во всём. Запоминаются, конечно, наши оговорки. Иногда бывает, что речевые обороты в разных спектаклях созвучны. Я слышу – он играет, и вдруг на автомате начинает про-

износить слова из другой роли. А потом как-то очень находчиво выходит из ситуации. Это было всегда уморительно смешно и обаятельно.

Помню, как Кирилл позвонил мне прошлым летом и спрашивает: «Лёха, я знаю, что ты на даче, а когда будешь в Москве?» Я говорю: «Кирюша, я иногда наезжаю в город, зверям корм купить...». Он говорит: «Ты позвони». – «А что такое?» – «Да всё нормально. Просто я один, и мне скучно». Я говорю: «А может, ты к нам приедешь?» Он отвечает: «Нет, трудновато». Я только потом понял, что он болел, и из-за этого ему тяжело было добраться. Приехал в Москву, звоню ему, а он говорит: «Лёш, давай перенесём нашу встречу на потом». Я не стал допытываться, почему. И лишь гораздо позже узнал, что он настолько плохо себя чувствовал, что не хотел, чтобы его видели в таком состоянии. А ко мне он всегда относился так: «Если тебе что-то нужно – расшибусь в лепёшку. На пузе приползу, всё сделаю».

Кирюша прекрасно писал стихи, играл на гитаре, исполнял свои песни. И, казалось бы, он затрагивал серьёзные темы – о душе человеческой – но всегда лёгкая грусть сочеталась с вкраплением юмора. Он это великолепно умел делать. Чтобы в конце ты улыбнулся, рассмеялся.

А ещё мы вместе были заняты в «Снежной королеве». Он – Сказочник, я – Ворон. Спектакль не сыгран, если мы друг друга не подколем! Вообще-то наши герои должны были встречаться только в финале, но на практике всё получалось по-другому.

Выходит Сказочник, общается со зрительным залом: вот, дескать, «сейчас Герда поедет искать своего Кая, но чем всё это кончится, я не знаю»... Моё появление в этой сцене не предусмотрено. Но я не мог отказать себе в удовольствии пройтись в костюме Ворона по заднему плану. И как не сказать: «Кар, кар, господин сочинитель, надо работать над финалом!» Или вот играю я свою сцену. И тут – неожиданно! – в сказке этого нет – появляется Сказочник с гусиным пером, как Пушкин. Стоит в углу, смотрит... И потом произносит: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...». Вот так мы веселились. Бедные дети!..

О Кирюше можно говорить бесконечно. Доброта проявлялась во всём. Мы приходили в театр, видели друг друга и улыбались, обнимались. Должны были сесть, посмотреть друг другу в глаза.

Я человек ленивый, не люблю в капустниках участвовать, а Кирилл всегда писал сценарии: «Можно, я тебе сейчас почитаю?» – «Давай». Иногда я что-то подсказывал. И о ролях друг друга спрашивали. «Что здесь ещё можно сделать? Чего я не дотягиваю?» И он всегда говорил очень деликатно. Обидеть актёра легко. А он... «Ты всё делаешь прекрасно. Но в этом моменте... ну, скажи шёпотом». – «Не услышат». – «И пускай не услышат. Они почувствуют». Я вспоминаю Кирилла с грустью, но «печаль моя светла». Говоришь о нём – и тёплые чувства появляются.

Он по сути своей был не просто актёр, художник – он был поэтом на сцене. Получалось – не получалось, но в каждой роли он хотя бы две-три строчки, две-три реплики делал гениально. И его творчество мне хочется назвать словами «грустная радость». Потому что Кирилл был поэтом во всём.

* * *

Тили-тили. Абы кабы
За красивые глаза.
Жили-были дед да баба,
С ними кошка и коза.
А коза была упряма,
Не давалась подоить.
Так рассказывала мама.
Только б это не забыть!
Среди поля про берёзу,
Про грозу среди зимы,
И про радостные слёзы,
Как вернулся дед с войны.

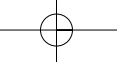
.....

* * *

Ах, кибитка кочевая!..
Ты – как зорька ночевая.
Ты – как звёздочка в тумане
Путеводная.
Ах, как жалко, друг мой милый,
Что тебя нет с нами...
Ах, как жалко, милый друг,
Мне тебя!

Эх, молодость – беда!
Как трава-лебеда!
Каждый хочет мять ногами,
Да не вытоптать!
Ах, как жалко, друг мой милый,
Что тебя нет с нами...
Ах, как жалко, милый друг,
Мне тебя!..

Эх, судьба – маята!
То – туда, то – сюда
Всё бросает по России
Молодца меня!
Ах, как жалко, друг мой милый,
Что тебя убили...
Ах, как жалко, милый друг,
Мне тебя...

* * *

*Я был убит в последний день войны,
Когда до хрипоты «ура» кричали,
Когда своих любимых вспоминали,
И мирные солдатам снились сны.*

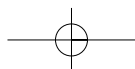
*Я был убит в тот день, когда за нас
Родные волноваться перестали,
И светомаскировку посрывали.
И был последний отдан мне приказ.*

*Я был убит в тот день, когда бои
Прошли – и в смерть никто уже не верил.
Так оглушительно скворцы запели,
И стало непривычно без войны.*

*Я был убит. Ну, а моя звезда
Не падает, а светит так же ярко.
И где-то навсегда уже солдатка,
И до сих пор встречает поезда...*

* * *

*Лежу я, без вести пропавший,
Под вишней – где-то там, под Оршей.
Я был бежавших всех не старше,
Но и стрелявших – не моложе.
Исковыряли пулей ветки,
Созревшей вишней било землю,
Да и мою грудную клетку...
Свет был необычайно белым.
От пули дырка не сочилась,
А падать навзничь – так не больно.
А вишня билась, билась, билась, билась.
Откуда здесь взялась – не понял.
Потом листва меня прикрыла,
Зима пришедшая – порошей.
Земля в себя меня зарыла.
Лежу я где-то там, под Оршей.*

* * *

Присвоено – посмертно.
Не знаю, почему.
А там – парят конверты,
Слова – куда? Кому?
Я выполнил приказ
И сгинул навсегда.
А письма каждый раз,
Конечно, ерунда.
Не помни обо мне.
Я буду вспоминать,
А ты – рожай детей,
Ведь надо их рожать.
Тогда не будет смерти,
Тогда и я вернусь.
В каком-нибудь столетии
Я и тебя дождусь.

* * *

Не в этом, ребята, сила,
Кто проще, а кто сложнее.
То берёзка, а то – осина,
Кто нежней, ну а кто – нужней.
А рябина так уродилась,
По приметам – так быть войне.
Что-то там надо мной открылось,
Что-то там и открылось мне.
Порох сух, а в ладонях ворох
Лепестков от роз и ромашек,
И взбирается мной пригорок,
Хоть мне страшно. И очень страшно.
Только кто-то там, за плечами,
За кого не грех и погибнуть.
И я мну высоту, качаясь,
Сапогами терзая глину.

* * *

Не успеешь отбросить – накрой собой,
Пусть спасутся пока хоть те, кто вокруг.
Граната и пуля – не есть любовь,
И спасённый тобой – не всегда твой друг.
Но глаза незнакомых тебе матерей

Будут плакать во сне у тебя потом.
Ограниченный кем-то там контингент
Превращает призыв в поток.
И сначала – наш солнечнейший Ташкент,
Через месяц – и солнечнейший Герат,
А тебе восемнадцать с полтиной лет,
И над Родиной – листопад.
Тут – рыжая, мелкая, злая пыль,
Тупой звук лежащих рядом пуль.
Главное – вовремя. Не пропустить,
Да услышать вертушек спасительный гул.
И остаться – хотя бы на сорок секунд,
Прикрывая бегущих к свистящим винтам,
Чтоб не совестно было вам всем помянуть
Нас, оставшихся здесь и оставшихся там.
(Серёге Лукьянову.
Моему другу, прошедшему через...)

* * *

Я вырос таким хорошим –
Аж тошно.
Но это – не сложно.
Нужны родители, сказки,
Книжки-раскраски,
Нужны во дворе мальчишки
И книжки.
Потёртый мячик футбольный,
И бьют – а тебе не больно.
И твои одноклассники,
И классики
Начерчены у девчонок.
Коробка из-под гуталина.
Урок на асфальте – длинный, длинный, длинный.
А иногда – продлёнка.
Я – хорошист.
Ищу на карте, где Конго.
Чистый лист.
И нужно десять копеек
На пломбир,
И мир –
Совсем немного.

* * *

Что для нас всех бабушка?
Печёнушки да оладушки...
А для неё – ладушки,
И сандалик с попавшим камушком,
И запах детей и внуков,
И сердца набор стуков.
И что-то ещё из ста тысяч букв,
Из мяса, картошки, лука...
А правнучка – и не знает, как
Приготовит счастья целый бак.

* * *

Сию вспоминаю детство,
Всё чаще бываю в нём,
Ему никуда не деться –
Его-то мы не пропьем.
Нам там всё на свете надо,
И слаще нет ничего
Резинового мармелада,
Отечественного кино.
И двор, где футбол бразильский,
И крик из окна: «Домой!»
Картошка и две сосиски,
И класс – Боже мой! – второй.
Учиться ещё столетья,
Всё складывать два и два.
Как пахнет весенний ветер
И пачкается трава.
И из дневника лист выдран,
Друзья – не разлей водой.
И зАвидно, и завИдно,
А в лоб получил – не ной.
И обгоревшая кожа,
И лыжи легко скользят.
Иначе и быть не может,
Иначе и быть нельзя.
И я не могу согреться,
И балуюсь я с огнём...
Я вспоминаю детство,
Я часто бываю в нём.

* * *

Сегодня запахло прелой листвой.
Так в жизни моей наступает осень.
Не листья, а годы летят мостовой,
И темнеет практически в восемь.
Это касается только меня,
Ты остаёшься совсем молодой.
Я, под листвой и дождём семени,
Весну тащу за собой.
Там и почки прилипнут к моей подошве,
Открывая листочек для новой жизни.
Весна и осень – разные, в общем,
А дождь – по очкам – брызнет.
Сравнивает. А запах – куда мне деть?
А зиму куда? А лето?
Листву заставляют и тлеть, и гореть,
И льдину – растаять где-то.
Но весна тоже пахнет. Моими ошибками.
И булкой. И мамой с папой.
Жизнь раскрашивается улыбками.
И дальше ползёт «тихой сапой».

* * *

Я ненавижу быть рабом,
Я всё вытаскивал горбом,
И даже, если не поднять –
Я всё равно тащил наверх.
Но что-то слушается тех,
Которым нечего терять.
Конечно, достаётся боль,
Пудами поедает соль.
Но дальше – достаётся та,
Которая не досолит,
Которая детей родит.
Единственная из ста.
И воспитает из детей
Не тех, кто будет всех святей,
Не тех, кто пробивает лбом,
Но соли пуд способных съесть
И знающих, что значит честь,
Тех, кто не сможет быть рабом.

* * *

Поговорив с Богом,
Узнаешь совсем немного –
Что есть Бог,
Что млечная есть дорога,
Что надо учить уроки,
Есть выдох и вдох.
Что кашка – не клевер,
Что где-то есть крайний Север,
А крайнего Юга нет.
Незапертые есть двери,
И каждому – всё по вере,
А бедам – один ответ.
Деревья качает ветер,
Самое главное – дети.
Взлетел – лети.
Быть надо за всё в ответе,
Солнце на небе светит,
И ты.

* * *

Жёлтенькими крыльями капустницы
И травую на полях, ещё не скошенной,
Благодатью на тебя опустится
Солнечнейший день сегодняшней.
Цвет медовый собраньем пчелиным
На избитую душу прольётся,
Как на луг проливается ливнем
То, что с неба нам всем даётся.
После ливня засвищут птицами
Души всех, кто тебе был дорог,
Возвращая тебе сторицею
Долг. А день будет нынче долог.
Долго будут стрекотать кузнечики,
Ты поймашь не всех ладошкой,
Но погладит тебя по плечу
Солнечнейший день сегодняшней.

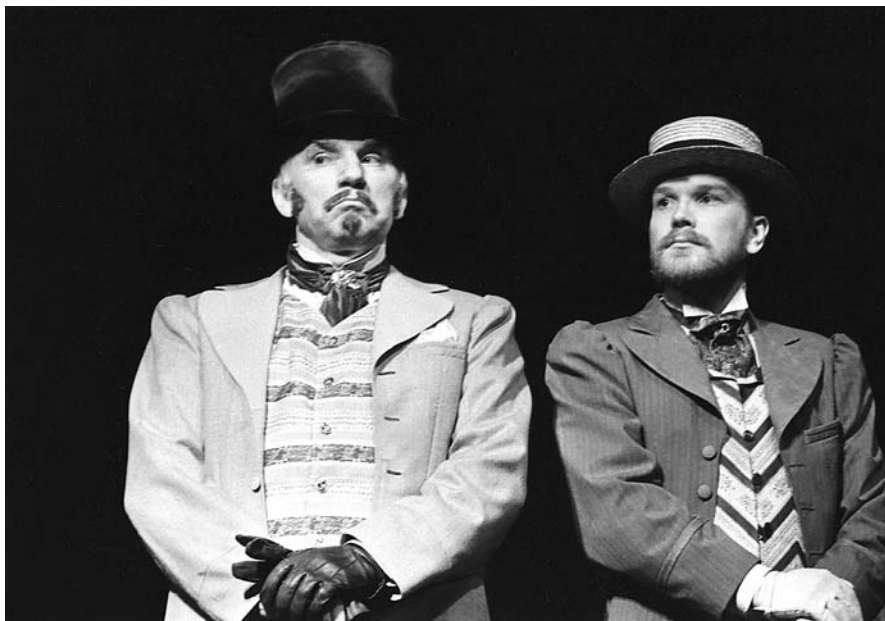
Валерий Баринов

На моём недавнем юбилее, поздно вечером, когда почти все уже разошлись по домам, остались только семья и два-три самых стойких гостя, Кирилл подошёл и сказал: «Мы с друзьями хотели бы подарить вам звёздочку...». Это была самая настоящая солдатская звёздочка – такие крепятся на пилотки. Очень трогательный подарок, вовремя, точно и небанально.

Таким Кирилл был во всём. Я не помню праздника, с которым бы он меня не поздравил, и любого важного для меня события, которого бы он не отметил. И если какая беда случалась – Кирюша на всё откликался. Он был очень добр и благороден. Это один из тех людей, которых мне недостает теперь в жизни, и по кому я особенно скучал, уйдя из театра.

Наша дружба началась вскоре после того, как я пришёл в Малый. Так получилось, что на своих первых гастролях – в Новосибирске и Алма-Ате – я попал в компанию ребят из 33-й гримёрки. Кирилл пел, и это было замечательно. Какие-то его неожиданные слова или шаги приносили мне чувство умиротворения. Сегодня я остро ощущаю нехватку больших гастролей: они были утомительными, но давали особое актёрское существование. Гастроли – время, когда люди много общаются друг с другом, открываются души.

Что касается Дёмина-актёра, остаётся только высказать сожаление, потому что – не хочется говорить банальность – но это недопетая песня, которая только-только начиналась, голос, оборвавшийся на подходе к самой высокой ноте. Всё совпадало – и челове-

Глумов, Кучумов — Валерий Баринов.
«Бешеные деньги».

ческие качества, и артистическое дарование. Я несколько не боюсь возвышенных слов: Кирилл вступал в «свой» возраст, его мастерство сочеталось с внутренним и внешним обликом, психофизическим состоянием. Все последние работы свидетельствовали: он близок к тому, чтобы взять какую-то очень хорошую актёрскую высоту. Мы чувствовали, видели, что так должно быть, но, к великому сожалению, этого не произошло. Не случилось, и тем больнее потеря.

Я играл с ним в «Свадьбе Кречинского», «Бешеных деньгах», «Царе Иоанне Грозном», «Царе Борисе». Он был замечательный партнёр. Некоторые актёры, пытались привлечь внимание, «тянут одеяло на себя». Кирюша не из таких. Он никогда не красовался за чужой счёт, напротив, скорее бы сделал что-то во вред себе, чем товарищу. На сцене он всегда являлся «человеком команды». А театр — искусство коллективное, и потому рядом с Кириллом я чувствовал себя комфортно. У меня нет о нём ни одного отрицательного воспоминания. Так странно говорить о Кирилле Дёмине и знать, что его сейчас нет с нами... Поражают слова друзей о том, как бесстрашно он встретил смерть — хотя я всегда знал, что Кирилл очень мужественный человек.

Василий Бочкарёв

Что остаётся после театрального актёра? Смотря для кого. Зрителям остаются воспоминания о ролях, постепенно дополняемые ощущениями не только от того вечера в театре, но уже и от целого дня, в котором сам спектакль был всего лишь частицей. Со временем вспоминается в связи с какими-то важными событиями целого года, но остаётся всё-таки что-то самое главное, чего порой нельзя объяснить. Зрители видят актёра из зала, мы же видим близко, очень близко. «Мнимый больной», антракт. Кирилл появляется за кулисами в образе Пюргона, здоровается, стоит рядом, о чём-то говорим. Простые, будничные вещи, но какое чувство родства и любви! Кириллу, как очень чуткому и органичному актёру, необходимо было ощутить тот, сегодняшний, настрой уже идущего спектакля. Надо предложить свою любовь, открыться,

Пюргон, Арган — Василий Бочкарёв.
«Мнимый больной».

но, главное – соприкоснуться с партнёром. И в актёрском мастерстве, и в поэтических работах он всегда стремился отобразить всё то, что есть на душе. В этой исповедальной искренности – предмет гордости русского театра. Слава Богу, что есть такие люди, как Кирилл. Хотя сейчас они встречаются всё реже.

Серафим Саровский говорил: «Радость моя, стяжи дух мирный, и тысячи людей спасутся около тебя!» Я не могу судить о глубине религиозного чувства Кирилла, но, как мне кажется, способность стяжать радость и мирный дух даётся с определённым возрастом, определённой усталостью, определёнными жизненными выводами... У Кирилла это было заложено изначально: *«Я с детства хотел быть клоуном. Ну вот, мечта и сбылась. Жаль только, сердце надорвано, Всё выпрыгнуть торопясь»*. *«Жили-были дед да баба, С ними кошка и коза... А коза была упряма, Не давалась подоить. Так рассказывала мама. Только б это не забыть! Среди поля про берёзу, Про грозу среди зимы, И про радостные слёзы, Как вернулся дед с войны»*.

На мой взгляд, высшее состояние мудрости – это способность быть учеником и одновременно делиться тем, что в данный момент подвергается анализу. Как в жизни, так и в творчестве. К сожалению, я не смотрел «Вождя краснокожих», но я видел Кирилла в институте и видел любовь со стороны ребят: когда шёл Кирилл, за ним всегда следовал шлейф из студентов.

Непросто заниматься актёрской профессией, в которой много шансов потерять своё, человеческое лицо! Можно наступать на принципы, изменять себе, но если есть ещё талант поэта с собственной темой, с трогательным сердцем, умеющего определить ценность окружающего мира и человека в нём, то такого актёра ничто не сломит. Все те простые вещи, которые волновали Кирилла и которые преломились в его любящем сердце в стихи, могут показаться настолько повседневными... Но, мне кажется, ему непременно нужна была возможность высказаться, потому что в театре его актёрский талант так до конца и не открылся.

– **Вот насчёт «высказаться». Он же большую часть этих стихов писал, что называется, «в стол», не показывая даже самым близким друзьям.**

– Ну, они же не горят. Вполне возможно, Кирилл и не ставил перед собой задачи их издать. Его стихи настолько личные, выстраданные, что там в каждом стихотворении прежде всего стоит его искреннее

«я». Показывая их, он как бы расшифровывает себя до конца.

Основное чувство, которое я испытал, прочитав его стихи и тексты песен, можно выразить словами самого Кирилла: *«Как, кажется, это просто – На белой бумаге Про счастье, любовь и звёзды, И про отвагу»*. Или вот ещё, замечательная строчка: *«Приготовить счастья целый бак»*. Бак, чтобы хватило на всех, чтобы можно было раздать. Но при этой чистоте, любви, доверительности, радости, он произнёс слово «и отвага». Кирилл был абсолютно незащищённый человек.

– **Он и не пытался.**

– Он был настолько открыт... Для меня Кирилл – настоящий русский актёр. Русское театральное искусство – оно сердечное, искреннее. Вот он сердечный актёр. Жаль, что не было такой роли, которая позволила бы ему разговаривать со зрительным залом на тонкой искренней струне. Во всяком случае, могу сказать только одно: я очень благодарен судьбе, что у меня в театре был такой товарищ. Актёрский мир живёт в постоянной суете, желании как можно больше охватить, и дело даже не в материальном благе... Наша профессия по своей природе – скоростная. А, глядя на Кирилла, всегда хотелось остановиться. Это происходило даже как-то неосознанно, потому что он нёс в себе среду диалога, притягивал своей искренностью. С ним хорошо разговаривать, просто находиться рядом, с ним хорошо молчать. С Кириллом всегда можно было чувствовать себя на своей волне, потому что он тактично относился к твоей теме и настроению, он занимался тобой, твоими проблемами, словно предлагая: *«Давай поговорим про тебя»*. Кирилл располагал к откровению. Причём абсолютно бескорыстно.

Что же касается его жизни в Малом театре, то местечко, которое он занимал в актёрской труппе, на данный момент остаётся пустым. Потому что артистов много, а людей с душой мало. Актёрская профессия тянет к имитации, фальши, она перерождает, а Кирилл был очень целен в своей тёплой интонации души. *«Когда снова встретишь меня, Ты рядом тихонько присядешь, Судьбу на ладони протянешь, Когда снова встретишь меня...»*.

Беседовала Ольга Петренко

* * *

Я сегодня еду в Питер.
Я украл бы этот город.
Я давно его не видел,
Но увижу очень скоро.
Еду Красной я стрелою,
В белые приеду ночи,
В шесть утра глаза открою:
Чаю тело очень хочет.
А душа уже на Невском.

.....

* * *

Приехали.
Шубой покрытые сани.
Две лошади с грустными голосами,
Глазами,
Полными снега и ветра.
Приехали.
Где ты?
Светит лучина, коптя немножко,
Лампада в углу. Вот и луна в окошко
Плошкой
С отбитым тобою краем
Светит,
Сгорая.
Светает.
Зимой рассветает поздно,
И утром ещё видны звёзды.
Морозно.
Ты спишь на моей груди.
Светает.
Всё впереди.
Погоди,
Не плачь, я ещё приеду
По первому, по весеннему следу,
К обеду,
А лошади вспомнят путь.
Погоди
Чуть-чуть.
Горячу
Любимую мною пару.
Терзаю своею душою гитару.

*И нагайкою по горбу
Горячу
Судьбу.*

** * **

*Вот замёрз Обводной канал,
Утки топчут нечистый лёд.
Посмотрел на жизнь – не узнал,
Но к весне это всё пройдёт.
Но к весне будет новый день
И опять будет новый год,
И отчаянная дребедень
Неизбежно, увы, пройдёт.
Но останется... Что? Цвет глаз,
Запах тёмных твоих волос,
Да любовь, что я сам не спас.
Обводной канал вот замёрз.*

** * **

*Я думал – ты одна,
И нет другой такой,
И не твоя вина,
Что я не твой герой.
Я, в общем, ничего,
Не гадок и не трус,
Но только-то всего,
Что для тебя я пуст.
Нет места для меня
В твоей большой душе.
Чернеет полынья,
И не видать уже
Меня, меня, меня.
Я в прошлом растворюсь.
И не твоя вина,
Что я тебе не снюсь.*

** * **

*Смеяться, шутить, улыбаться,
Пусть даже и через силу,
И никогда не сдаваться,*

*И помереть красиво.
Как, кажется, это просто –
На белой писать бумаге
Про счастье, любовь и звёзды,
И про отвагу.*

* * *

*Я покажу тебе город,
Но не тот – всем давно знакомый,
А город, где дождь за ворот,
Где я – неизменно дома.
Где ветер мешает листья
Ясеня, клёна, дуба.
От листьев осенних в городе чисто.
В ладошку целуют губы...
Где облака заглянули в реку,
Река – заглянула в небо,
Где бродится человеку
С батоном белого хлеба.
Он должен быть только свежим,
Горбушка – чуть-чуть хрустящей.
Улицы – те же, те же.
Кефир – может быть вчерашним.
Глаза открывать не надо,
Ты звёзды и так увидишь.
А город – он будет рядом.
Его ты вдохнёшь. Подышишь.
Я тебя проведу по детству,
По кривеньким переулкам,
По моему наследству,
По минутам, часам и суткам.
И город мой, настоящий,
Протянет тебе ладони.
А дальше – всё будет дальше.
А как – наши дети вспомнят.*

* * *

*Лишь об одном я жалею –
Что я не был с тобой нежнее,
Что я не был с тобою строже
Тоже.*

*Я тебя отпустил на волю,
Я не думал, что будет больно,
И не думал, что будет сложно
Тоже.*

*Я надеялся: ты мне – свыше,
Что мы вместе с тобою дышим.
Есть, конечно, тебя моложе
Тоже.*

*Но когда ты ко мне вернёшься,
На кровати моей проснёшься,
Вдруг окажется, что всё то же.
Тоже.*

** * **

*У меня нет никакого шанса –
Вечный ослик, вечный Санчо Панса,
Быть хотевший только Дон Кихотом.
Дульсинея – там, за поворотом.
А Альдонса – задирает юбку,
Моя пол. И собирает чеки.
Курит «Честер». Ярко красит губки,
Чем-то там китайским красит веки.
И пока мечтающий Кихано
Деревянных крошит великанов,
Дульсинеей крошится окрошка –
Огурец, колбаска и картошка.
Твой сеньор стоит пока за квасом.
Лето. Очередь. И никуда не деться.
Росинантам некуда податься.
Веришь ты, что там – большое сердце.
А у Санчо Панса сердце меньше,
Не вмещает лучшую из женщин,
Дульсинею из того Тобоссо,
Что терялось в соснах и берёзах
Средней-средней полосы России,
Всю, что прокоптыл старый ослик.
Как встречают пальмами Мессию!
Совестно, что происходит «после».
Пахнет свежим фаршем Дульсинея,
Хлебной мякушкой и перетёртым луком.
Санчо Пансой быть чуть-чуть нужнее.
Всё! Ни ты, ни я – сейчас ни звука.*

* * *

*Не верь, не бойся, не проси,
Хоть на кону – вся жизнь.
Бросает зека по Руси,
Но ты – держись.
Ведь ты пока – простой ЗК,
Никто – ничто.
Везёт на свете дуракам,
А ты – учён.
Тебя учили столько лет
По лагерям,
И ты уже почти что сед,
Но – прям.
И урки резали тебя,
И замначлаг
Сказал, что если ты продашь –
Почти не враг.
На руднике не хватит сил,
Но ты – держись.
Не верь, не бойся, не проси.
И так – всю жизнь!
(А.И.Опритову и всем)**

* * *

*Жить без имени и без отчества
Так не хочется, так не хочется.
Одиночество. Одиночества
Не желаю я никому.
Но от творчества
В муках корчиться
Следует одному.*

* * *

*«Всех скорбящих радость».
Господи, прости!
Столько во мне гадости,
Что не унести...*

* Анатолий Иванович Опритов (1918–2003), в 1967–2003 гг. – артист Малого театра. В 1943 году был арестован по ложному обвинению, 8 лет провёл в исправительно-трудовом лагере на Дальнем Севере. В 1951–1956 гг. на поселении. Реабилитирован в 1956 году. Автор книги «Артисты за колючей проволокой».

И грехов два пуда
Я с собой ношу,
В ожиданьи чуда
Пью, пою, дышу.
Сочиняю вирши.
Холост. Не судим.
Что бы там ни вышло,
А итог – один.

* * *

Там, позади, мой город,
Забитая мною дверь,
Капает мне за ворот
Море моих потерь.
И мой дорогой зонтик
От этого не спасает.
Сильнее стучись, Понтий,
Закапай порог слезами.
Сколько-то пар ботинок
Надо сносить однажды,
Рубашку из паутины
Выткали без кармашка.
Накорми всех семью хлебами,
Походи по воде, Пилат,
Поскрипи – до песка – зубами,
Где захочешь – там райский сад.
А за спиной – мой город,
Мой одиночный ад.
Терновым венцом проколот
Только твой лоб, Пилат!
Я бреду от избы к избе,
От хижины к хижине.
От отбитой губы – к судьбе
Нет пути ближе.
Я был там и побит, и порот,
Прощён был в один присест.
Там, позади, мой город.
Там, позади, крест.

* * *

Летят по полю и снег, и ветер,
Раздолье им не очень мешает,

И над облаками солнышко светит,
И это рисуют карандашами.
И домик, и крыша – немного набок,
Дым над трубой – спиралью вьётся.
За дверью – на коврике – куча тапок.
И наледь вокруг колодца.
Самой любимой, пробив тропинку
В самом чистом снегу,
Я губами с волос соберу снежинки,
Отогреть тебя помогу.
А снег и ветер всё бьют по брёвнам,
Сметают ветхую крышу.
Не в первый раз истекаю кровью.
Мне нравится, как ты дышишь.

* * *

Я вас не очень люблю-то,
Просто дышу в такт – и так-то.
Улыбается дождь мне, будто
Я для тучки служу Атлантом.
Тень мою забивают капли,
Я на мокром стою асфальте.
Вы так долго меня искали,
Чтоб сухим оставалось платье.
И на чайник остывший дую,
Чтобы струйку разбить, как душка.
И не очень-то вас люблю я.
Я без вас не могу. Кирюша.

Людмила Митова

Кирилл Дёмин – хороший человек и хороший артист. Говорят, что хороший человек – не профессия, я думаю, что это самая почётная в мире профессия и самая редкая. Артистов с каждым годом становится всё больше, борьба за выживание – жёстче. Вопрос о нравственных идеалах, человеческом сострадании, желание помочь ближнему выглядит каким-то неуместным, стыдным. Неловко сказать, что артист скромный, независтлив, никогда ничего для себя не просит. Таким был Кирилл. При этом не убогий, не ущербный, с потрясающим чувством юмора, поэт, интеллектуал, музыкально одарённый и образованный человек. И почему-то с подобным богатством оказался не очень нужен. Хотя все его работы в театре на редкость удачны. В них всегда были ум и мягкость.

В спектакле Виталия Соломина «Свадьба Кречинского» Кирилл играл Нелькина. В странном, гротескном рисунке, предложенном режиссёром, он был органичен, смешон и серьёзен. Он выезжал на деревянной лошадке на палочке и пел. Это было такое чуткое понимание жанра и абсолютно точное ему соответствие. Виталий сам исполнял роль Нелькина в прежней постановке, но говорил, что Кирилл играет лучше.

В спектакле «Мнимый больной» окончание его эпизода узнавалось по аплодисментам после фразы «Презреть мой клистир!..», произносимой таким трагическим голосом, что оставалось только смеяться или плакать вместе с персонажем.

Я не буду анализировать работы Кирилла. Мне

только хочется поделиться эмоциями от совместного с ним пребывания на сцене. Независимо от уровня спектакля, Кирилл всегда был замечен, почти всегда – лучше всех. Его тексты к капустникам являлись беспримысленным вариантом – смешно и умно.

Я не знаю, почему Кирилл ушёл так рано. Может быть, ему стало с нами грустно и скучно.

Пургон. «Мнимый больной».

Матьяна Лебедева

Это тот случай, когда душа говорит, когда невозможно не сказать...

Мы были партнёрами в спектаклях «Бедность не порок», «Кабала святош», «Тайны Мадридского двора». Сейчас работаем без Кирилла, и у меня в памяти всплывают его интонации, вспоминается, как он здорово играл... И так его не хватает. Всегда хотелось подойти к нему со словами: «Кирюша, какой же ты хороший артист!» Думаю: ну вот okazия случится, и я скажу это! Так и не успела.

В театре мало встречаешь настоящих мужчин. А в нём присутствовало мужское начало, галантность. На премьере он всегда всем женщинам дарил по розе. И это было настолько трогательно! Никакой показухи, просто так проявлялось внутреннее благородство. Врождённое.

К сожалению, такова наша профессия, что многие актёры стремятся всюду себя выпячивать... Вот, посмотрите, я! Я! И на сцене «на себя одеяло тянут». Но Кирилл совершенно не такой, для него главным был партнёр. Все человеческие качества проявляются на сцене – и даже увеличиваются.

Он мастером становился, впереди открывались роли... И они остались несыгранными!

Кирилл ведь очень разнообразный, разноплановый актёр – как, например, хорошо он играл в «Царе

Нелькин. «Свадьба Кречинского».

Фёдоре» старика, как убедительно! А ведь совсем ещё мальчишкой был.

Вот, казалось бы, в «Бедности не порок» Африкан Савич – отрицательный персонаж, но сколько же в нём обаяния! Одна моя подруга посмотрела спектакль и говорит: «Ты знаешь, а мне герой Дёмина так понравился, прямо влюбилась, за такого бы пошла!» И чувствовалась в его исполнении какая-то своя боль, что-то не сложилось в любви, и это читалось...

И человек он был интеллигентный, тонкий. Когда мы выезжали на гастроли, я слышала, как он пел под гитару. Кирилл был влюблён в одну нашу актрису, и чувствовалось, что свои песни он посвящает ей... Это очень трогало – какая же душа чистая у человека! Он всегда был доброжелателен, всегда улыбался. Никогда не строил из себя Актёр Актёрыча, никакой спеси или недовольства... Если были какие-то печали – всё внутри. Всегда сдержан – и в то же время открыт людям. У меня остались самые хорошие и тёплые воспоминания о нём. И как горько, что оборвалась жизнь, столько обещавшая в будущем! Ему бы играть и играть!

И когда он лежал в больнице, друзья его навещали, и потом рассказали, как мужественно он держался и говорил: «Умирать не страшно». Мы не можем знать, как поведём себя у этой последней черты. А он – утешал, подбадривал. Вот какое мужество проявилось в нём в последние дни.

Любовь Ещенко

Любовь Гордеевна в спектакле «Бедность не порок» была моей первой крупной ролью. Я чувствовала ответственность и нуждалась в помощи партнёров, единокрушии с ними. С Кириллом у нас не случилось прежде совместной работы, хотя мы и встречались на «Снежной королеве». Я знала его как человека с чувством юмора, интересного рассказчика и поэта. Когда мы начали репетировать «Бедность не порок», то вместе ездили на метро – нам было по пути. Кирилл рассказывал о своей жизни, я – о своей. Человека начинаешь любить, когда лучше узнаёшь...

Он был очень интеллигентным, доверчивым, тактичным. Когда Кирилл что-то предлагал в работе, то делал это аккуратно и ненавязчиво, стараясь никого не обидеть, и всегда спрашивал: «Тебе это не мешает?» Если его придумка мне не подходила, он мог и отказаться от неё: «Ты играй, а я подстроюсь».

Африкан Савич Коршунов – роль, конечно же, большая, однако Островский выписал её не очень подробно. В финале у Коршунова есть монолог со словами «Мне надо, чтобы меня любили», – и там открывается предыстория персонажа, но её ещё надо «додумать». Кирилл обогатил этот образ. Когда я читала пьесу, у меня сложилось однозначное представление: вот положительные герои, а Африкан – отрицательный, и с ним всё понятно. Но Кирилл сделал Коршунова современным персонажем, он получился узнаваемым, из нынешней жизни. Это человек, который знает, что может купить, что угодно, в том числе и невес-

ту, и сделка притом оказывается очень выгодной. Мне нравилось, как он смотрит – я видела этот взгляд, и верила, что у Африкана есть всё, кроме самого главного – любви. Исполнение изобиловало множеством подробностей – как он свечи гасил с размаху, розыгрыш при первом появлении... Это всё надо было придумать. И постоянно присутствовали ирония и самоирония. Когда Африкан уходил и запевал песню – как реагировали зрители! Чувствовалось, что перед нами сильный человек, что самолюбие его задето...

Потом, когда спектакль уже шёл, возникали всё новые детали, именно они заставляли по-настоящему верить в ситуацию. Видно было пренебрежение Африкана к недалёкому папашке героини; то, как он грубо хватал куклу – за руку или за волосы, – очень пугало мою Любовь Гордеевну, потому что она понимала: её ждёт такое же отношение.

Конечно, Кирилл совершенно не похож на Африкана Савича, и всё-таки в эту фразу – «Мне нужно, чтобы меня любили» – он вкладывал боль, понятную каждому.

Кирилл – очень внимательный партнёр, играть с ним было легко. Не могу сказать, что понимала, как он выстраивает работу. Но всё-таки, когда ближе узнаёшь человека, то видишь, где у него «болевые точки», на что он опирается, и начинаешь с ним взаимодействовать «на его площадке». Мы нередко ездили на гастроли. Из всех житейских ситуаций – ну, скажем, если кто-то твоё место в автобусе займёт или соком капнет – Кирилл выходил так, как, по моим представлениям, и должен выходить настоящий мужчина – спокойно, с иронией. Это очень приятно. Потому что в поездках люди иногда раскрываются с неожиданной стороны. А о Кирилле мнение если и менялось, то только к лучшему.

Многие говорят, что он ушёл как раз на взлёте. Я прекрасно помню его Нелькина в «Кречинском». Сказочник в «Снежной королеве» очень подходил Кириллу, потому что он сам всегда с радостью дарил людям тепло. Кирилл был очень уютным Сказочником – я и сейчас вспоминаю, как он улыбается и прищуривается. Его брат Сила в «Мольере» стал для меня открытием. Что было бы дальше, можно только догадываться. Думаю, Кирилл поднял бы любую работу.

Африкан Савич Коршунов, Любовь Гордеевна –
Любовь Ещенко. «Бедность не порок».

* * *

Осторожно, братцы, – осень:
Простудиться – с полпинка.
Мы сегодня бабки косим,
Развлекая дурака.
У него, ребята, кризис,
Бабки тают каждый час,
Вот он кризиса не вынес
И случайно нанял нас.
Он нашёл нас в Интернете,
Нам с названием повезло.
Так что – одевайтесь, черти,
Зайчик, Пони, Кошка, Слон...
А куда девался Бобик?
У него опять запой?!
Сволочь, гад, собака, комик!
И костюм он взял с собой?!
Ах, он в нём вчера уехал...
Ну какое ж он «оно»!
Ведь он мне втирал, что Чехов
Пишет только для него.
Здесь заслуженные люди,
Он – лагает каждый раз.
Ничего, нормально будет,
Будет, хлопцы, высший класс!
Главное бы нас погода
В этот раз не подвела.
Бабки срубим – и свобода,
Два часа – и все дела.
У него коттедж на Истре
И беседка над рекой.
Только чтобы было чисто,
Отыграли – и домой!
Никаких «хочу остаться...»,
Вам, бродяги, там – не тут,
Вам уже не восемнадцать,
Вас, ребятки, внуки ждут.
Зайчик, Пони, Кошка, Слоник,
Вы – такие имена!..
Жалко, Бобик – алкоголик,
Падок пёсик до вина.
Я устроил всё, как надо:
На обратном на пути
Вам поставят. Только, гады,
И не вздумайте пойти,
Прогуляться меж столами,

*Затесаться меж гостей!
 Не найду – пеняйте сами,
 Я уволю вас, чертей!
 И работайте вы даром,
 Напивайтесь между дел!
 И останется играть вам
 Лишь Гамлетов да Отелл.*

ВЛАДИМИРУ ЗЕЛЬДИНУ *

*Ой ты, гой еси, Театр Российской Армии!
 Ой ты, гой еси, Владимир-свет-Михайлович!
 Ты – Владимир – русской сцены Красно Солнышко,
 От старейшего от театра от московского,
 От царей его от всех, от всех князей-бояр,
 От князей-бояр да от боярышень
 Ты прими поклон и поздравления.
 Свет ты наш, соколик – Володимир-князь,
 Что талантов у тебя – как на небе звёзд
 (Здесь ещё не раз о них будет сказано):
 И певец ты – молодец, и плясун лихой,
 И плясун лихой, а игрец какой!
 На восьмидесяти-твоё-пятилетие
 (Хоть не очень-то нам в это и верится)
 Мы пришли к тебе, свет Владимир-князь,
 И на просьбе на своей бьём тебе челом:
 Надевай-ка ты награды государственные,
 Собирай свою коробку гримёрную
 И переходи к нам в стольный Малый театр, –
 Ты теперь подходишь нам по возрасту:
 В нашем театре девяносто – это молодость.
 А какие у нас девки – заглядение,
 А буфет какой – объединение!
 И зарплату мы назначим хорошую,
 А ролей дадим больше прежнего,
 Больше прежнего, да лучше наших всех.
 Ну, а если не отпустит тебя Армия,
 Или сам ты не решишься, паче чаяния,
 Ты хоть в гости заходи, да на чарочку,
 Среди бела дня и хоть заполночь.
 Слава, слава, слава, слава Владимиру,
 Человеку и актёру – слава Зельдину!*

* Поздравление было написано К.Дёминым, Д.Козновым и С.Вещевым и исполнено Ю.М.Соломиным на торжественном вечере в Театре Армии, посвящённом 85-летию актёра (2000).

АФАНАСИЮ КОЧЕТКОВУ*

*Есть в актёрском уставе такие слова,
На которые только в премьерном бою,
Да и то не всегда, получает права
Режиссёр, подымающий труппу свою...
Декорации нет, не поставленный свет,
Не пошиты костюмы и круг не идёт.
И тогда еле слышно шепнёт режиссёр:
«Афанасий, вперёд! Афанасий, вперёд!»*

*Много пьес повидал я в родной стороне,
В них про горе, про радость мне пели.
Но один-то артист в память врезался мне,
Исполнял он могуче ролину...*

*Эх, Афонюшка, ухнем!
Эх, Иваныч, хорошо могёт!
Подёрнет, зацепит за душу!
У него что ни роль – то душевная боль,
Раскатится по телу истома.
А как слово звучит – точно молот стучит,
Раздаётся из Жёлтого дома!*

*Эх, Афонюшка, громче!
Эх, Иванович, Большой забьём!
Как грянем, как грянем, как ухнем!*

*Он и Горький Максим, и Ванюшин купец,
Пограничник над берегом Тиссы,
Настоящий мужик и народный артист,
Он прославил родные кулисы!
У Расина – Тезей, у Шекспира – граф Кент,
Итальянец – скрипач Паганини,
Кого хочешь сыграет Вам русский артист,
Он сыграет в кино и на сцене.
А бывает порой грозен он, как Зевес,
Словно молнии глазами кидает,*

* Поздравление было написано К.Дёминым, Д.Козновым и С.Вещевым на мотив русской народной песни «Дубинушка» и исполнено на 70-летию А.И.Кочеткова (1930–2004). Кочетков служил в Театростудии киноактёра, Театре им. А.С.Пушкина (1964–1978), активно снимался в кино. С 1978 года и до конца жизни – артист Малого театра. В поздравлении упоминаются работы Афанасия Ивановича в Театре им. Пушкина («Легенда о Паганини»), в Малом («Дети Ванюшина», «Федра», «Король Лир»), а также роли в кино (Кочетков сыграл Горького в шести кинофильмах; его первым значительным успехом стал пограничник Смолярчук в картине «Над Тиссой»).

Но отходит он быстро и снова, как друг,
Всех вокруг от души обымает.
Иногда он в пылу заиграется вдруг,
Интересно, и ярко, и сочно,
Ну, затахнет чуть-чуть... ну, совсем, ну, чуть-чуть...
Ну, нельзя же в искусстве «так точно»!
Он на сцене творец, он в бою молодец,
Широко он по жизни шагает,
И как будет минутка душой посидеть,
С удовольствием друзьям наливает.

Эх, Афонюшка, ухнем!
Под селёдочку сама пойдёт!
Раз дёрнем, два дёрнем, три ухнем!

ПРЕМЬЕРА

Когда уходят первые ряды,
А только-только начались поклоны;
И мутное предчувствие беды
Звенит над сценой комариным звоном;
И краска неподдельного стыда
Под гримом даже у плохой актрисы, –
Стоит помощник встрёпанный в кулисе,
Крича: «Вперёд! Ещё раз, господа!»

И «господа», негромко матерясь,
Опять берутся за руки устало.
Не в первый, да и не в последний раз –
Позорище полупустого зала...
А режиссёр, заставивший играть
Весь этот пьяный бред кобылы сивой,
Придумывает море слов красивых,
Чтоб в нём потом актёров искупать.

Но гордая актёрская душа,
Не вынеся премьерного позора,
Пропьётся до последнего гроша,
И – в костюмеры до конца сезона...
А зритель, что ни разу не зевнул,
Единственный из публики печальной,
Заявит: «Мама, я хочу в Москву.
Я, мама, поступаю в театральный»...

24.04.2006

**КУПЛЕТЫ ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК»**

Ах, театр! Ах, кулисы!
А в кулисах – ах, актрисы!
Крики «Браво!», крики «Бис!» и
Выход, и дивертисмент!
В бенефисы на карете,
И шампанское в буфете...
Нет сладостней на свете
Звука, чем аплодисмент.
Жизнь – театр, жизнь – театр...
А года летят куда-то...
И, наверное, не надо
Обижаться на судьбу.
Но как больно и как стыдно,
Что признания не видно,
И, должно быть – как обидно! –
Я без славы и умру.
Но лишь только вновь на сцену –
Ты играешь вдохновенно,
И все горести мгновенно
Забываются, как сон.
Лишь тогда венок терновый
Превращается в лавровый,
И я снова, снова, снова
Выбегаю на поклон.
Ах, театр! Ах, театр!
Пусть года летят куда-то!
Нет денег – и не надо!
Лишь бы слышать «браво», «бис»!
В бенефисы на карете,
И шампанское в буфете –
И профессии на свете
Нет прекрасней, чем артист.

* * *

А чуть свет... Чуть наступит свет,
Вдруг окажется – счастья нет.
Но на каждый вопрос есть ответ,
А на каждый ответ – вопрос,
И не нужен уже совет,
И не нужно бояться слёз.
Ты засунешь себя в метро

*И поедешь «творить добро»,
А она прибежит домой,
Станет мужу варить обед,
И вдруг вспомнит: Ох, Боже мой!
Оказалось, что счастья нет.*

** * **

*У меня с порогами роман.
Оставляю их то тут, то там,
Спотыкаясь о нотный стан
Из порогов, людей и стран.
И порожки стирают звук
С грифа, взятого на испуг.
Всё мотаешь за кругом круг
По чужим дверям – тук-тук-тук.
И не то, чтобы я не мог
Нащупать указательным звонок,
Но Бог – вон там, предо мной порог,
С меня, как с овцы – клок.
А бывает, что кто-то любит?*

** * **

*Мне нечем тебе заплатить за ужин,
За завтрак и за обед,
За то, что если я очень нужен,
Меня под рукою нет.
За то, что друзья иногда дороже,
За штопанные носки,
За то, что я дозвонюсь попозже,
За редяющие виски.
За то, что тебя не могу обидеть,
Не делаю этого. Даже во сне.
За то, что я, уже плохо видя –
Наделаю дырок в сосне.
За письма мои, что не получила,
За дождь, за солнце, за снег.
За то, что ночами выл я.
За не добытый мех.
За хлеб, что засох на столе – не убран,
И за посуду, что я не помыл.
За то, что дарю тебе сон утром,
А важное – позабыл.*

Не пожелал – ни спокойной ночи,
Ни утра. Да и ни дня.
За то, что я занят был очень,
Когда не хватало меня.
За то, что я не был мужем.
За сорок, с лихвою, лет.
Мне нечем тебе заплатить за ужин,
За завтрак и за обед.

* * *

Есть люди, которым не надо звонить,
Они стоят впереди тебя.
Друзья другими не могут быть,
Такое сборище всяких бяк.
Они поступают «не по уму»,
Перемежают словами мат,
Бывают редко в моём дому,
Но дышат, и дышат, и дышат в такт.
Я им – не ровня. Я только мчусь,
Пытаясь догнать. Встать впереди.
Только чтобы вдохнуть всю грусть
И не отойти.

Они меня и так оттолкнут,
Спасать бросаясь – большой ценой.
К ним прилетят и печаль, и кнут,
А я опять окажусь за спиной.
Они возьмут на себя слова,
Всё, что царапает эту жизнь.
Как это я заработал, болван,
Честь всё это с вами «грызть».
(С.А.Вещеву. Как «подарок»)

* * *

Что же там было – в непрошлой жизни,
Что позволяет вставать с колен,
Видеть, как солнце в окошко брызнет,
И не сдаваться – ни так, ни в плен?
Не замечать ни сплетен, ни слухов,
Выгрызать занозы – а не «к врачу»,
А в борще и котлетах мухи
Скормить своему палачу.
И оторвать и себя от плахи,

*И всех, кто дорог не только тебе,
И держится жизнь не на страхе,
А на твоём горбе.*

.....

* * *

*Неужели всё это – мешок чепухи,
Набитый горстями костями,
Вложенные в кожу грехи,
Разбавленные страстями?
Но то, что размером с кулак,
Заставляет всё это петь,
Я не очень-то знаю, как,
Но стучится в грудную клетку.
Значит, есть же какой-то смысл
В этой тушке подслеповатой,
Что хочет спиной поцарапать высь
И копит рубцы и заплаты.
Одеяло пришьётся к тому лоскутку,
Который выкроит этот день,
А там и жизнь – к твоему локотку,
И вся моя дребедень.*

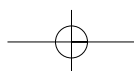
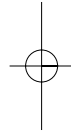
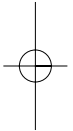
* * *

*Я пытаюсь обнять весь шар неземной,
А он, как ёжик, в грудь бьёт иголкой.
А когда-то он раскрывался и на моей ладонке,
Потому что он был мой и мной.
Я тогда прыгал – до полной луны,
И, как ни странно, допрыгивал.
И не замечал даже самой большой волны.
Что-то, видимо, я не выговорил.
Постеснялся сказать простыми словами,
А, может, это дадено всё в награду,
Муки все – за все муки мамы.
Теперь это, видимо, очень надо,
Чтобы этот ёжик колол изнутри,
Хотя я на нём сплю, не крепко, снаружи,
Не спи, на меня смотри.
Я разбиваю пятками лужи,
А в объятья мои, в промокшие руки,
Наверное, даже мирам неприятно
Попасть. Я тебя не виню. Это не муки.
Это наш путь в обратно.*

* * *

*У меня в запасе тысяча рифм,
Но врачам уже не помочь.
А разве любовь – не тиф?
В бреду ты и день, и ночь.
И складывать ты начинаешь слова
В строчки и четверостишья.
Вроде была на плечах голова –
А голос всё громче и выше.
И он всё поёт тебе до зари
Про счастье и про весну.
Говори со мной. Говори.
А то я сейчас усну.*

Василий Дахненко и Алексей Анохин

Василий Дахненко. Мы познакомились с Кириллом Вадимовичем, будучи студентами, когда задумывался наш дипломный спектакль – мюзикл «Вождь краснокожих» по рассказу О.Генри. Пришёл молодой парень – обаятельный, замечательный – и спел под гитару песни, которые написал для этой постановки. Кирилл тогда ещё не преподавал в училище. Он третий сезон работал в Малом, гастрольная и театральная жизнь была ключом – старшие товарищи вводили его в курс дела. Музыку, как потом рассказывал Кирилл, ему предложил написать Юрий Мефодьевич. И он, естественно, согласился: учитель попросил. Позже Кириллу довелось поучаствовать в «Вожде краснокожих» и как актёру: на гастролях в Америке случился срочный ввод, и он сыграл одного из бандитов, Билла (в фильме эту роль исполнял Алексей Смирнов). Ввёлся просто шикарно, хотя волновался жутко. Ну, а потом был Малый театр – «Конёк-горбунок», «Свадьба Кречинского», где мы ещё больше сблизились – на репетициях, на постоянных вечерах – Виталий Соломин любил творческие застолья. С «Кречинским» ездили на гастроли в Ригу, взяв с собой гитару, пели там песни, «зажигали». Роскошное было товарищество. Мы благодарны судьбе, что знали Кирилла, общались с ним...

Алексей Анохин. Для каждого из нас это своя потеря. Знаете, невозможно сказать, когда именно воз-

никает настоящая дружба, потому что она рождается по чуть-чуть, происходит такая слепочка-слепочка-слепочка, люди потихонечку срастаются – и вдруг в какой-то момент всё порвалось. Когда рвётся живое, это очень больно. Он был настоящий – человек, мужик, артист, педагог, сын, друг... Начинаешь перечислять – и почти всё можно о нём сказать! Для своих друзей Кирюшка по-прежнему жив. У нас, слава Богу, стоят его фотографии. Я прихожу в филиал, в свою гримёрку – здороваюсь, и вперёд. Сюда прихожу – здороваюсь, и вперёд. И он с нами. Не понимаю я эту жизнь иногда, просто не понимаю. Но, с другой стороны, ведь большинство же вспоминает о Кирилле с теплотой – значит, надо было именно так прожить даже эти сорок четыре года. А ещё есть студенты, которым он преподавал, люди, окружавшие его в жизни или просто с ним соприкоснувшиеся. На той его работе, я знаю, как к нему относились. Буквально в последний год бывшие сослуживцы были у Кирилла на спектакле, вся студия Русской службы Би-би-си. Столько воды утекло, а они пришли!

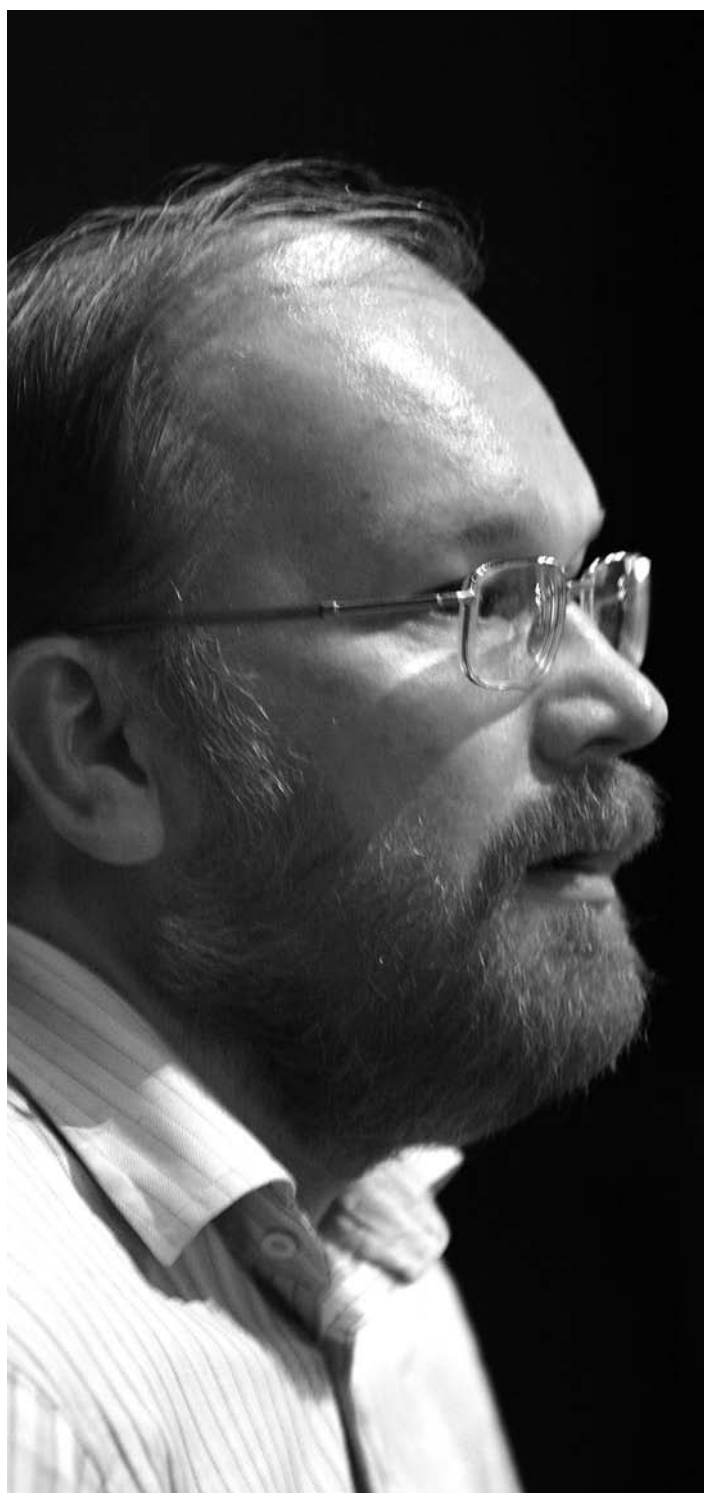
Владимир Ардаев

Помню нашу первую встречу. Было это году в 2002-м или чуть раньше. Русская служба Би-би-си тогда искала дикторов для работы в Московском бюро. Мы остро нуждались в профессиональных голосах, поскольку практика показала, что журналисты, даже самые многоопытные, давно и успешно работающие на радио, в качестве ведущих новостей звучат никуда не годно. Спотыкаются, мямлят, плохо интонируют, часто сбиваются – в общем, читают новости в эфире как Бог на душу положит. Решили пригласить профессиональных чтецов. И объявили конкурс – что-то вроде кастинга. Каждому, кто приходил, вручали пару страниц текста и просили прочесть у микрофона. Потом авторитетная комиссия прослушивала все записи и определяла достойных.

Записать Кирилла предстояло мне. И когда он сел к микрофону, сразу стало ясно, что выберут, скорее всего, именно его. Он был артистом, и он играл. Играл диктора Би-би-си, и это ему прекрасно удавалось. Текст читал спокойно, ритмично, абсолютно правильно, с нейтральными интонациями – именно то, что было нужно.

Я не ошибся. Кирилл стал работать на Би-би-си.

Казалось бы: известный, популярный в кругах театралов актёр. Заслуженный артист России. И прочая, и прочая – более чем достаточно для того, чтобы как минимум рассчитывать на повышенное внимание к себе... Но ничего подобного. Кирилл всегда был, наверное, самым незаметным из всех. Он редко под-

ключался к офисной болтовне, никогда не вступал в общие споры и ссоры. Сидел себе тихонько за компьютером – вычитывал и правил текст очередной сводки, или просто играл в какого-нибудь «Сапёра» или «Маджонг»... И лишь когда обращались непосредственно к нему – за поддержкой, советом или просто поболтать – всегда спокойно, ровно, тихо и обстоятельно отвечал.

Он не любил без нужды привлекать к себе внимание. Но если кто-нибудь «раскручивал» его на тему театральных баек, тут ситуация в корне менялась. Кирилл начинал рассказывать, а, рассказывая, преображался. В нём немедленно просыпался актёр. Он проигрывал каждую историю, каждый анекдот и каждого персонажа. Мигом вокруг него собиралась толпа. Все хохотали до колик. А Кирилл спокойно и невозмутимо продолжал свой моноспектакль.

Но иногда он рассказывал грустные истории из актёрской жизни...

Впрочем, всё это случалось нечасто. У меня было странное ощущение, словно этот человек наделён каким-то особым знанием – и о нас всех, и о себе. Будто он молчит, созерцая. И понимая.

От него не исходило сияние. Но от него исходило спокойствие и мудрость. И – несуетливое достоинство человека, знающего себе цену. Интеллекта. Даже аристократа.

Мы подружились. Часто подолгу разговаривали – о жизни, театре, литературе. Он много рассказывал – о спектаклях, репетициях, гастролях и людях, с которыми приходилось работать. Обо всём у него было своё собственное суждение, и на всё – свой независимый взгляд. Он приглашал нас с супругой в театр – такие походы обычно заканчивались долгими братаниями до глубокой ночи.

Был период – переезжали из одного офиса в другой – когда Кириллу приходилось каждый день являться на работу поздно вечером и читать новости до утра. После спектакля, вымотанный физически и эмоционально, он проводил бессонную ночь в отеле. Никто ни разу не услышал от Кирилла ни жалоб, ни сетований. Хотя было видно, как нечеловечески он уставал.

Так всё и шло. Мы продолжали дружить. Грешен, бывало, я плакался ему, рассказывая о тех или иных житейских проблемах. Без охов и ахов он всегда нахо-

дил несколько точных слов, чтобы успокоить и поддержать.

Он никогда не говорил о том, что пишет стихи и прозу. Ну, может, пару раз обмолвился, что иногда «сочиняет песенки» – вскользь, между делом. Но основную часть того, что он сам писал, Кирилл не показывал никому.

Прошло время, и службу новостей секвестровали. Институт дикторов упразднили, и вернулись к прежнему порядку, когда новости читали сами продюсеры. Кирилла вместе со всеми другими сократили.

Время от времени мы созванивались, хотя и реже, чем прежде. Переписывались в Скайпе. Как-то он пригласил большую группу бывших коллег на спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». И опять были посиделки в гримёрной, долгий разговор до глубокой ночи. В полночь настал день рождения Кирилла – отметили.

Год спустя состоялась ещё одна такая же встреча. «Тайны Мадридского двора», неистовый Бабьека... Кирилл был неподражаем. После спектакля мы сидели в близлежащем кавказском ресторанчике и опять не могли наговориться. Через пару недель он ещё раз пригласил нас с женой в театр.

Когда мы пришли к нему – снова на «Тайны», супруга не смогла посмотреть в предыдущий раз – он вручил мне такую же красноармейскую звёздочку, которую почему-то дарил всем близким друзьям тогда. С теми же самыми словами: «Она настоящая...».

Что это был за знак – я пытаюсь понять до сих пор. Звёздочка лежит на письменном столе у меня дома и не даёт забыть. А, может, он этого и хотел?

Кирилла не стало через месяц после нашей последней встречи.

Александр Коршунов

*«Всё, что было когда-то с нами,
Возвращается только снами...»*

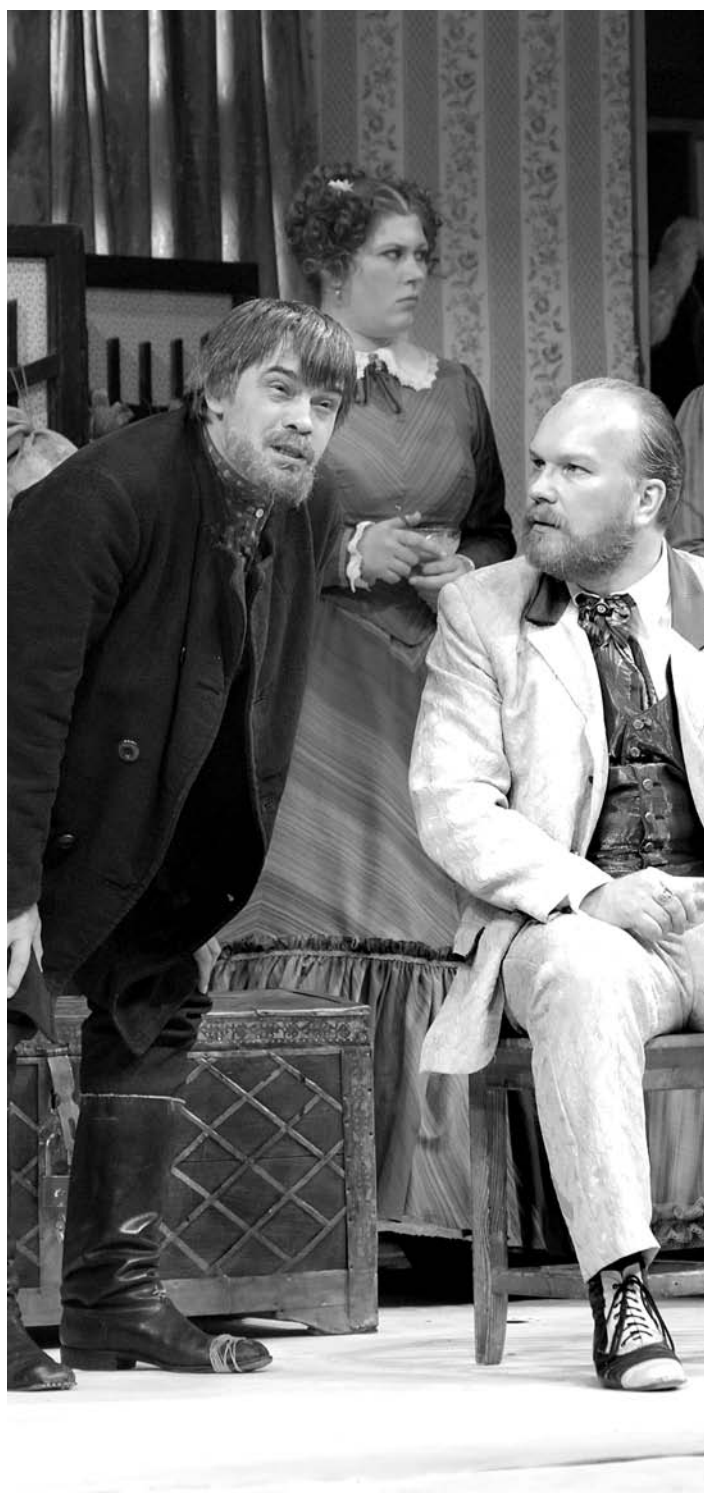
Как на самом деле редок на сцене умный, интеллигентный, содержательный артист! А если он к тому же ещё и мастер, владеющий школой, способный услышать внутреннюю музыку роли, спектакля! Именно таким актёром был Кирилл Дёмин...

Мы более двадцати лет проработали вместе в Малом театре, но, к сожалению, не так уж часто встречались на сцене. Партнёр он был замечательный: чрезвычайно точный, конкретный и действенный. Кирилл прекрасно чувствовал суть и форму, строго держал «рисунок», но вместе с тем всегда ощущал сегодняшнюю «температуру» происходящего, сиюминутную «искру». Это, наверное, наилучший вариант: существовать и точно, и импровизационно.

Человек он был сдержанный, ровный, очень, вероятно, многое носил в себе, притом, что обладал натурой и страстной, и ранимой. Общение с ним всегда доставляло радость, потому что такт, доброе расположение духа и внимание к людям никогда не изменяли Кириллу.

Только теперь довелось мне прочитать его стихи. Боже мой, какая искренность, нежность, грусть! Какой нерастроченный запас душевных сил и любви!..

Я очень рад, что случилась в нашей совместной творческой жизни «Бедность не порок» А.Н.Островского. Для меня как режиссёра спектакля образ Аф-

рикана Савича Коршунова был очень важен. Хотелось показать его отнюдь не «стариком-злодеем», а по-своему обаятельным человеком, москвичом, со своей жизненной позицией, явно криминальным прошлым и внутренней драмой.

Работал Кирилл очень серьёзно и вдумчиво. Мы постоянно фантазировали, искали, пробовали. Репетировать с ним было и легко, и интересно, потому что он сам много думал, наживал и приносил, участвовал в общем процессе, помогал мне и партнёрам, предлагал, спорил. Потихоньку что-то начинало вырисовываться.

И вот настал момент, когда на одном из прогонов Кирилл, как говорят, «прорвался». Количество перешло в качество, и я увидел его Африкана Савича, он «родился». Это был и тот Африкан, которого я хотел, и в то же время совершенно самостоятельный, «дёминский»: внешне мягкий, умный и обаятельный, а внутренне жёсткий и властный, привыкший брать и давить, со своей криминальной логикой существования, имеющий всё, чего желал, кроме одного: искренности и тепла, человека рядом. Который бы его, Африкана, любил, а не боялся.

Получился персонаж страшный и, в конечном счёте – несчастный, очень сегодняшний, реальный, узнаваемый. Это была настоящая актёрская удача! И все, кто видел Кирилла в «Бедности не порок», говорили о его исполнении роли Африкана Савича как о событии.

Кирилл был, мне кажется, универсальным актёром, чьё дарование и серьёзное понимание профессии помогли бы ему справиться с любой ролью. Но он во многом и человек-загадка; внутренний мир Кирилла оставался невостребованным. Его время, казалось, только приходит, открывается целая палитра ролей, в которых он развернётся в полную силу.

Судьба распорядилась иначе...

Спасибо тебе, Кирюша, дорогой, за твоего Африкана Савича, за твою добрую творческую душу, за внимание и помощь, за такт и подлинную интеллигентность! Ты оставил нам очень много тепла и добра, сумев навсегда зажечь в великом созвездии актёров Малого театра свою светлую свечечку-звёздочку!..

Африкан Савич Коршунов, Любим Карпыч Торцов – Александр Коршунов, Маша – Екатерина Порубель.
«Бедность не порок».

С коллегами
на репетиции
вечера,
посвящённого
250-летию
Малого театра.

Сказочник.
«Снежная
королева».

Кирилл Вадимович Дёмин —
найдите 10 отличий.

Богдан Курюков, царь Фёдор — Эдуард Марцевич,
Голубь-отец — Алексей Кудинович, Голубь-сын — Виктор
Низовой, Красильников — Василий Дахненко.
«Царь Фёдор Иоаннович».

Пюргон. «Мнимый больной».

* * *

*Я хочу, чтоб пришли на поминки
Только люди, которых любил –
В не начищенных кремом ботинках,
В босоножках, что вечно в пыли.*

*В замечательных тех босоножках,
В славных туфельках на каблучке,
Что на разнокалиберных ножках
У меня оставались в руке.*

*Все, кого я любил и не очень,
Все, с кем было мне так хорошо.
Видно, плохо работает почта,
Если кто-то из вас не пришёл.*

*Впрочем, если никто не узнает,
Не приедет ко мне, не придёт,
Так бывает, я знаю, бывает, –
Я прощаю всех вас наперёд.*

*Я хочу лишь, чтоб все вы остались
Мне друзьями, месье э медам,
И мы с вами, друзья, повстречались
Где-то там, где-то там, где-то там.*

Оглавление

Предисловие.	5
Юрий Соломин.	7
«Простите меня, родные...».	10
«Есть две женщины на свете...».	10
«Ах, как она идёт на цыпочках!...».	11
«Пойдём сегодня в ресторан...».	11
«Отражается в лужах сама...».	12
«Ах, как быстро проходят зима и весна...».	13
«Я этой женщине – никто...».	13
«Я, конечно, никогда не буду классиком...».	13
«Пытается ветер в весенних садах...».	14
«Опять растает всё (Воробушек)...».	14
«Поезд следует до станции “Беляево”...».	15
«Опять я в гордом одиночестве...».	17
«У меня, простите, беспорядок...».	17
«Ты прости, я был «не очень»...».	18
«Боже мой, как я хочу...».	19
«Всё, что было когда-то с нами...».	20
«Ах, какую бы я колыбельную...».	20
«Я сегодня – великан...».	21
«Ты заплакала чуть...».	22
«А подорожник должен быть подороже...».	22
«Какой незабвенный день...».	22
«Я тебя нарисую на листьях берёзовых...».	23
Борис Любимов.	25
Елена Харитонова.	27
Евгения Дмитриева.	33
«Когда прекратятся дожди...».	38
«Что же мне делать с тобой?..».	38

«Ты останешься самой красивой...»	39
«Мне бы найти попроще...»	39
«Как уткнуться в колени твои...»	40
«Я обещал тебе не пить...»	40
«...И вдруг окажется, что важно...»	40
«Бойся данайцев, дары приносящих...»	41
«У меня есть долги – я их помню подкожно...»	41
«Ах, какое тогда было лето!»	41
«Из женщин характера сильного...»	42
«...Урожай был, в общем, неудачный...»	42
«Занимался я борьбой нанайских мальчиков...» . .	43
«...А где-то ведь женщины с нежной душой...» . . .	43
«При росте метр пятьдесят один...»	43
«Я с детства хотел быть клоуном...»	44
Сергей Вещев и Дмитрий Кознов	45
Алексей Кудинович	55
«Тили-тили. Абы кабы...»	58
«Ах, кибитка кочевая!..»	58
«Я был убит в последний день войны...»	59
«Лежу я, без вести пропавший...»	59
«Присвоено – посмертно...»	60
«Не в этом, ребята, сила...»	60
«Не успеешь отбросить – накрой собой (Серёге Лукьянову, прошедшему через)...»	60
«Я вырос таким хорошим...»	61
«Что для нас всех бабушка?...»	62
«Сижу вспоминаю детство...»	62
«Сегодня запахло прелой листвой...»	63
«Я ненавижу быть рабом...»	63
«Поговорив с Богом...»	64
«Жёлтенькими крыльями капустницы...»	64
Валерий Баринov	65
Василий Бочкарёв	67
«Я сегодня еду в Питер...»	70
«Приехали. Шубой покрытые сани...»	70
«Вот замёрз Обводной канал...»	71
«Я думал – ты одна...»	71
«Смеяться, шутить, улыбаться...»	71
«Я покажу тебе город...»	72
«Лишь об одном я жалею...»	72
«У меня нет никакого шанса...»	73
«Не верь, не бойся, не проси (А.И.Опритову и всем)...»	74
«Жить без имени и без отчества...»	74
«"Всех скорбящих радость"...»	74

«Там, позади, мой город...»	75
«Летят по полю и снег, и ветер...»	75
«Я вас не очень люблю-то...»	76
Людмила Титова	77
Татьяна Лебедева	80
Любовь Ещенко	83
«Осторожно, братцы, – осень...»	86
Владимиру Зельдину	87
Афанасию Кочеткову	88
Премьера	89
Куплеты из водевиля «Таинственный ящик»	90
«А чуть свет.. Чуть наступит свет...»	90
«У меня с порогами роман...»	91
«Мне нечем тебе заплатить за ужин...»	91
«Есть люди, которым не надо звонить (С.А.Вещеву. Как «подарок»)...»	92
«Что же там было – в непрошлой жизни...»	92
«Неужели всё это – мешок чепухи...»	93
«Я пытаюсь обнять весь шар неземной...»	93
«У меня в запасе тысяча рифм...»	94
Василий Дахненко и Алексей Анохин	95
Владимир Ардаев	97
Александр Коршунов	101
«Я хочу, чтоб пришли на поминки...»	107

Издание Малого театра
Серия «Библиотека Малого театра»

МНЕ НРАВИТСЯ, КАК ТЫ ДЫШИШЬ

Стихи Кирилла Дёмина
и воспоминания о нём

Ответственный редактор — **Валерий Подгородинский**
Редактор-составитель, макет — **Ольга Петренко**
Редактор — **Никита Иванов**
Техническое исполнение — **Наталья Шубина**
Корректор — **Ольга Аверьянова**

В книге использованы фотографии
Н.Антипова, Д.Бочарова, Л.Нелиновой, М.Филатова,
А.Хрупова, из архива семьи Дёминых, из архива
Е.Харитоновой, из музея Малого театра.

Книга, которую вы держите в руках, — дань памяти нашему товарищу Кириллу Вадимовичу Дёмину (14.11.1966 — 18.01.2011). Прекрасный человек, замечательный актёр, он всю свою жизнь писал стихи. В этом сборнике представлены избранная лирика К.Дёмина, а также воспоминания о нём друзей и коллег, в числе которых — художественный руководитель Малого театра, народный артист СССР Юрий Соломин, ректор ВТУ им. М.С.Щепкина Борис Любимов, народный артист России Валерий Барinov, редактор Русской службы Би-би-си Владимир Ардаев, артисты Малого театра.

К изданию прилагается диск с записью отдельных стихотворений Кирилла в исполнении его друзей.

Подписано в печать
Формат 70х100¹/₁₆.
Бумага мелованная, 130 г/см²
Печ.л. 7. Тираж 500 экз.
Печать: ООО «СТРАТИМ-ПКП»

Москва — 2012